503
262

ГАФУРОВ Б., ПРОХОРОВ Н. Н.

Падение бухарского эмирата

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРЕ (1920-1940 г.)

ГОСИЗДАТ ТАДЖИКИСТАНА
СТАЛИНАБАД 1940

ГАФУРОВ Б., ПРОХОРОВ Н. Н.

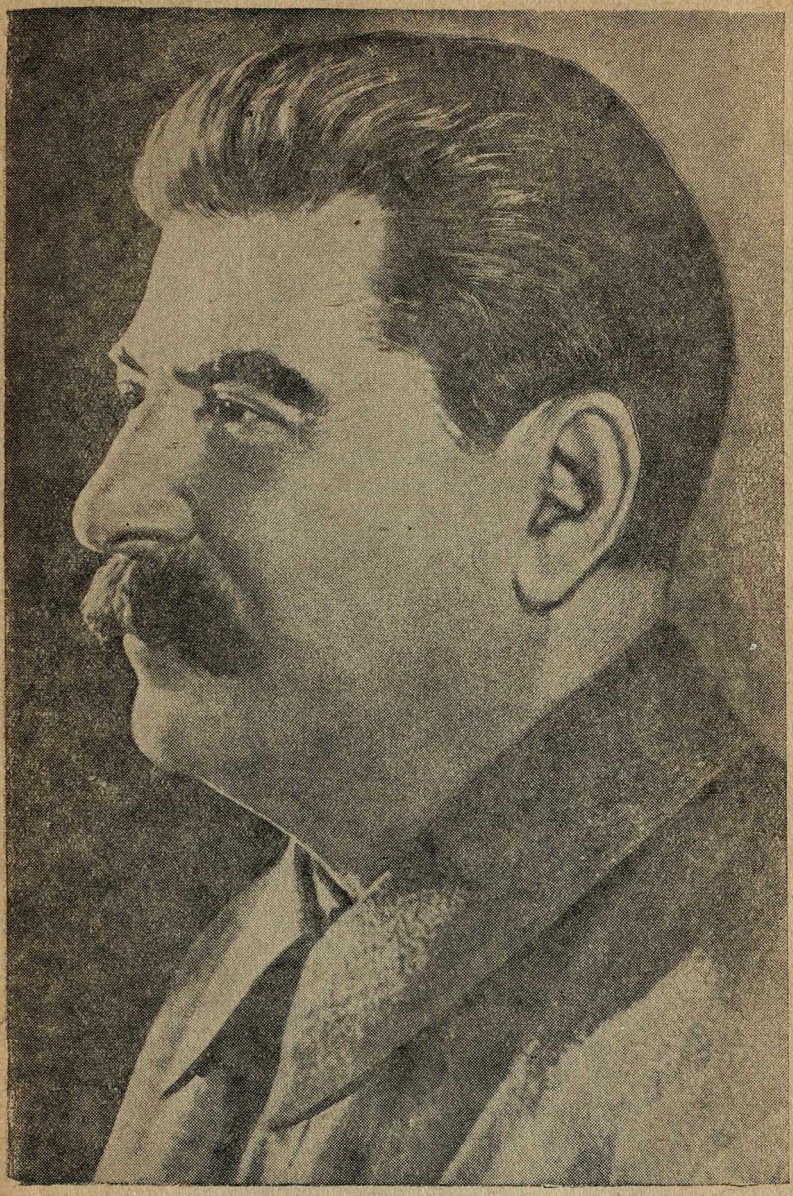
503
262

БУ27
Г246п6

ПАДЕНИЕ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРЕ (1920-1940 г.)

ГОСИЗДАТ ТАДЖИКИСТАНА
ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СТАЛИНАБАД 1940

И. В. Сталин

ВВЕДЕНИЕ.

В сентябре 1940 года исполняется двадцатилетие Советской революции в Бухаре. Эта революция является величайшим событием в жизни таджикского народа, событием, открывшим перед ним эру новой, счастливой и радостной жизни.

На протяжении многовековой своей истории когда то многочисленный, обладавший высокой степенью культуры, свободолюбивый таджикский народ вынес ряд сокрушительных ударов.

В VII-VIII веке, когда в Среднюю Азию вторглись арабские завоеватели, огнем и мечом внедрявшие новую религию — ислам, свирепый предводитель арабских полчищ Кутайба разрушал таджикские города и кишлаки, грабил и уничтожал население.

Не успев оправиться от губительных последствий арабского завоевания, таджикский народ в 1221 г. чуть не сплошь был вырезан монголами, вторгшимися в Среднюю Азию под предводительством Чингис-хана.

Через короткий исторический промежуток времени на таджикский народ обрушился еще более свирепый и жестокий завоеватель — Тамерлан. Сожженные, разграбленные и разрушенные города, население которых безжалостно избивалось или уводилось в рабство, — вот что было всюду, где проходил Тамерлан.

В конце XV и начале XVI века таджикский народ попадает под ярмо новых завоевателей—главарей ряда тюрко-монгольских кочевых племен, об'единенных султаном Шейбани.

К моменту завоевания Средней Азии царскими войсками таджикский народ, разорванный на части, входил в состав узбекских ханств — бухарского и кокандского.

Юго-восточные районы нынешнего Таджикистана и большинство северных входили в состав бухарского ханства. Остальная часть северных районов входила в состав кокандского ханства.

Невыносимо тяжелым было положение трудящихся в эмирской Бухаре. Еще более тяжелым оно стало тогда, когда бухарское ханство превратилось в колонию российского царизма. Нищета и бесправие, самые чудовищные издевательства эмирских чиновников и царских колонизаторов, беспощадно грабивших население,—все это обрекало таджикский народ на неизбежное вымирание, на полное исчезновение с исторической арены.

Великая Октябрьская социалистическая революция, низвергшая власть российских помещиков и капиталистов, положила конец национально-колониальному порабощению народов Средней Азии. Туркестан стал советской страной.

Дольше, чем во всех других районах Средней Азии, старая власть держалась в Бухаре. Но в сентябре 1920 года восставшие народные массы бухарского ханства, с помощью Красной Армии, руководимой соратниками Ленина—Сталина, товарищами Фрунзе и Куйбышевым, свергли власть бухарского эмира. Народы бывшей эмирской Бухары об'явили свою территорию Бухарской Народной Советской республикой.

Революция возродила стонавшие под ярмом жесточайшей колониальной эксплоатации народы Средней Азии. Она освободила от жуткого рабства и угнетения таджикский народ, призвала его к самостоятельной государственной жизни, обеспечила ему на путях социализма все возможности хозяйственного роста и развития его культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

20-летие советской революции в Бухаре—радостный праздник всех народов, находившихся под игом бухарского эмира, праздник всех народов нашего великого Советского Союза. Эта революция в бывшей царской колонии явилась народной революцией, совершенной трудящимися бухарского ханства в союзе с пролетариатом прежде угнетавшей нации, под руководством этого пролетариата, и его коммунистической партии, при помощи Красной Армии—армии освобождения народов. С чув-

ством особой гордости отмечает эту годовщину свободный и счастливый таджикский народ, который в тесном содружестве с народами Советского Союза добился грандиозных успехов во всех областях социалистического строительства.

Для него, испытавшего двойной гнет — эмира бухарского и царского самодержавия, — эта знаменательная дата имеет особенно важное значение. К радостной, зажиточной и культурной жизни, к социализму таджикский народ пришел, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Этот исторический переход от докапиталистических форм хозяйства к социализму Таджикистан совершил при огромной помощи великого русского народа, под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя великого Сталина.

Отмечая двадцатилетие советской революции в Бухаре, свободный таджикский народ, процветающий под солнцем Сталинской Конституции, вспомнит трижды проклятое прошлое, которое не вернется уже никогда, для того, чтобы под руководством партии Ленина—Сталина и ее верного отряда — КП(б) Таджикистана с новыми силами, с новой энергией бороться за дальнейшие победы коммунизма.

ПОД ГНЕТОМ ЭМИРА

Карл Маркс в статье «Британское владычество в Индии», характеризуя функции правительственной власти в азиатских странах, писал:

«В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ».

Именно таким являлся и правительственный аппарат бухарского ханства, который особенно тщательно был приспособлен к задачам беспощадной эксплоатации трудящихся.

Диван-беги — один из важнейших чиновников в бухарском ханстве, ведавший финансово-податной частью, принадлежал к числу наиболее влиятельных лиц в государстве. Кази-калям — главное духовное лицо ханства, ведавший духовно-судебной частью правительственного аппарата и подчиненный ему главный раис, ведавший полицейской частью, существовали, в первую очередь, для того, чтобы обеспечить бесперебойное поступление пятидесяти с лишним налогов, которые были установлены в бухарском ханстве. Эта задача, как самая основная, стояла и перед главным государственным чиновником в ханстве — перед Куш-беги, в ведении которого находилась вся внешняя и внутренняя политика ханства и государственная канцелярия.

Все бухарское ханство разделялось на 27 бекств (области и города). Во главе бекства стоял бек, назначенный эмиром. Бекства в свою очередь разделялись на амлякдарства (уезды), во главе их стоял амлякдар из

феодалов, обладавший безграничной властью на своей территории. Амляки распределялись на кенты (волости), а последние на кишлаки, во главе которых стояли амины и аксакалы (старшины). Основная обязанность их заключалась в выкачивании налогов с населения.

Как в центре — Бухаре, — так и в каждом бекстве, кроме бека, были кази (судьи), муфти, раис—наблюдатель за исполнением законов шариата, которому подчинялся миршаб—заведующий полицейским отделением.

Низовой административный аппарат (аксакалы, судьи—кази) в эмирской Бухаре был выборный. Но на административные должности никогда не выбирались подлинные представители народа. В «Трудах совещания инспекторов мелкого кредита в Самарканде» можно прочитать следующие строки, совершенно правильно показывающие кого избирали в эмирской Бухаре.

«Так как в туземной среде чрезвычайно выгодны административные выборные должности волостных управителей, думов (сельских старост) и т. д., а также должности кази (народных судей), то достигаются они только за большие деньги; а так как деньги принадлежат баям, то и должности эти, очевидно, могут быть занимаемы только баями. Отсюда то явление, что класс выборных должностных лиц у туземцев либо совмещается с группой баев, либо находится с ними в отношении тесной унии. В громадном большинстве случаев принадлежность к группе баев является наследственной, причем корни этой наследственности протягиваются большей частью к какому-либо предку, занимавшему административную должность, которая и дала возможность заложить «фундамент» богатства. Поэтому в среде баев и замечаются некоторые признаки кастового характера. Наследственная привычка увеличивать свое богатство грабежом населения настолько укоренилась в этой касте, что представители ее не в состоянии понять никакого своего действия без возможности поживиться на счет «фукара» (населения).»

Было бы ошибкой думать, что содержание бесчисленной рати чиновников и должностных лиц ханская казна брала на свой счет. Ничего подобного! Их оплачивало все то же самое население. Подавляющее большинство

ханских чиновников не получало никакого содержания от эмира и в то же время оно обязано было вносить в казну определенную сумму денег, установленное количество хлеба, скота, халатов, ковров и т. п. Все это собиралось с населения, причем никакого контроля над сборами податей и налогов не существовало, не велось никаких книг и записей по взимаемым суммам. Иначе говоря, бекства и другие административные единицы бухарского ханства находились как бы на откупе у своих правителей. Уплачивая ежегодно определенную сумму в казну, они собирали все подати с населения в свою пользу. Так как нормы обложения были чрезвычайно растяжимыми, а население находилось в полной зависимости от усмотрения ханских чиновников, то подобная система порождала произвол и злоупотребления. Она вела к тому, что с населения собиралось вдвое и втрое больше того, что должно было поступить в эмирскую казну.

Количеством взимавшихся с населения налогов бухарское ханство «славилось» на весь мир. В Бухаре облагалось буквально все, что можно было обложить. Вот некоторые из налогов, взимавшихся в Бухаре:

1. Закет — сбор со скота, товаров, обращающихся в торговле и иностранной монеты, ввозимой в ханство.

2. Херадж — поземельный налог, взимаемый в зависимости от рода земледелия, в размере от $^1/_{10}$ до $^1/_5$ урожая частью деньгами, частью натурой.

Для сбора хераджа необходим был многочисленный персонал особых чиновников, занимавшихся учетом урожая, складываемого на току (хирман) в кучи. Хирманы опечатывались особым образом и оставались в неприкосновенности до прихода амлякдара, определявшего количество зерна в куче и размер налога.

3. Куш-пулы — налог с рабочего скота.

4. Танап и аляф — сборы с люцерновых полей, садов, дворов.

5. Амин-она — налог при купле-продаже на базарах.

6. Бадж — сбор с караванов и скота при передвижении из одной части ханства в другую.

Трудящиеся Бухары задыхались от налогов. Если в семье дехканина рождался ребенок, нужно было платить налог. Дочь выходила замуж, — тоже. Покупал дех-

канин корову, козу или барана—не обходилось без налога и тут. Только один воздух в Бухаре не облагался налогом.

Ханская Бухара была очень отсталой страной в социально-экономическом отношении. К концу XVIII века здесь еще не было никакой промышленности, за исключением мелкой кустарной промышленности и к тому же недостаточно развитой. В Бухаре господствовала в это время феодально-крепостная система хозяйства. Две трети всех земель бухарского ханства считались эмирскими землями и по закону, который впрочем часто нарушался, их нельзя было ни продавать, ни покупать. Дехкане могли пользоваться этой землей на правах аренды.

Дальше шли вакуфные или церковные земли, принадлежавшие мечетям или медрессе. Земель частновладельческих в бухарском ханстве было мало и они находились главным образом в руках баев, ишанов и мулл. Так, например, в гиссарском бекстве зажиточная верхушка составляла 7,6 проц. хозяйств, а имела в своем распоряжении 45,6 проц. от общего количества частновладельческих поливных земель. На долю 28 проц. малоземельных хозяйств приходился всего лишь один процент поливных земель. Остальные земли принадлежали эмиру или же медрессе и мечетям.

За право обрабатывать землю, обычно на началах издольщины, за воду, за орудия производства мелкие дехкане—чайрикоры должны были отдавать эмиру, баям и муллам от четверти до половины урожая, а иногда и больше. Во многих местах сохранялась барщина в форме хошара, когда дехкан сгоняли работать бесплатно на земле, принадлежавшей амлякдарам — представителям эмира на местах, или же другим крупным эмирским чиновникам. Иногда у чайрикоров три четверти рабочего времени уходило на хошар и другие виды различных натуральных повинностей (работы по ремонту и очистке оросительной системы, по возведению построек, крепостных стен, гужевая повинность и т. п.).

В юго-восточной части Бухары—в гиссарском, кулябском и других бекствах — имела место самая настоящая крепостная зависимость трудящихся. Значительное число дехкан являлось «танхо» (крепостными) чиновни-

ков и духовников. Так, например, в Калай-Лябиобском районе в крепостной зависимости от крупного эмирского чиновника Абаса Ходжа находились кишлаки—Файзабад с 270 хозяйствами, Дорои-Мазар, Гали и другие. Дехкане этих кишлаков обязаны были без всякого вознаграждения обрабатывать землю своего владетеля и находились в полном его распоряжении. Он мог делать с ними все, что хотел, мог взять любую девушку, мог отобрать у своих крепостных даже их личное имущество.

Как тяжело жилось трудящимся Бухары при эмире, красочно рассказывает тов. Кучаров Турсун — депутат Верховного Совета СССР:

«Ишан Карахан, ишан Балтахан и бай Довуль — вот кто были полными хозяевами кишлаков Минг-Тут и Кенгурт, где сейчас находятся колхозы имени МТС и «Кзыл-Юлдуз». Ишаны и баи владели самыми хорошими землями и все жители кишлаков Минг-Тут и Кенгурт работали на них. С небольших клочков земли, которая сдавалась в аренду дехканам, последние собирали плохой урожай. Однако и этот урожай шел в амбары ишанов и баев. Дехканин, если даже ничего не сеял, все равно должен был платить множество налогов. Байский произвол доходил до того, что бедноте не разрешалось садить деревья. Баи об'ясняли этот запрет тем, что на деревьях птицы вьют гнезда, наносящие большой урон посевам шалы и пшеницы. Сами же баи выращивали богатые фруктовые сады и на фрукты втридорога выменивали пшеницу и другое зерно.»

О том, в каких условиях жили тогда дехкане, рассказывает и тов. Алимарданов — депутат Верховного Совета СССР:

«Мой отец работал чайрикором у ишана Мулла-Якуб Хатиба в кишлаке Шурьян, Кокташского района. Лучшие земли кишлака принадлежали Мулле-Якубу. Помню, как мой отец без рубашки, в лохмотьях, подпоясанный веревкой, с раннего утра до позднего вечера работал на его земле. У отца было семеро детей; жили и спали в одной кибитке, часто недоедали, приходилось иногда кушать исмалах (траву). Один халат мы носили по очереди.»

А вот как описывает это проклятое время эмирского

владычества депутат Верховного Совета Таджикской ССР тов. Файзи Каюмова:

«Отец мой, трудясь день и ночь на байских землях, не имел чем накормить и одеть своих детей. Семь дочерей в нашей семье имели только один халат, который они надевали по очереди. На всех нас была одна пара обуви. В зимнюю стужу мы ходили босыми по глубокому снегу.»

Детские неокрепшие тела не могли перенести постоянного голода и холода. Шестеро из них умерло один за другим. Осталась в живых только сама Файзи-биби. Ей было 10 лет, когда сошел в могилу ее отец. Денег на похороны его у семьи не было. Дехкане кишлака собрали между собой деньги на саван и похоронили ее отца Каюма...

Особенно тяжелым в эмирской Бухаре было положение женщины.

Законы корана и шариата считают женщину существом низшим по сравнению с мужчиной. Этими законами, законами самого грубого и дикого закрепощения женщины, она превращалась в рабыню своего мужа, который мог распоряжаться ею как хотел, ибо коран давал право мужчине «наносить побои» жене в тех случаях, когда она не была достаточно покорной. Жена должна была безропотно подчиняться своему мужу и быть его послушной рабой, ибо шариатский закон, действовавший в Бухаре, так и утверждал: «муж является владельцем жены, а жена — владением мужа.» Жену муж мог избить до полусмерти, мог загнать ее побоями совсем в могилу и никто не вмешивался в это дело. Даже сейчас еще в кишлаках можно найти старых женщин с телесными повреждениями, сломанными в результате таких побоев руками. Женщин покупали как товар и меняли на товар. Образование признавалось по шариату «вредным» для женщин. «Чем женщина невежественнее, тем она будет послушнее», говорили муллы.

Заключение брака было по существу торговой сделкой, причем даже присутствие женщины при этой сделке не являлось необходимым. Обязательной при браке считалась уплата калыма, после чего женщина становилась собственностью мужчины.

В Бухаре широко были распространены ранние браки.

Восьми—десятилетних девочек выдавали замуж за дряхлых стариков. И этот варварский обычай точно также был освящен законами шариата. Вот документ, красноречивее всяких слов свидетельствующий о том невыносимом положении, в котором находилась в эмирской Бухаре женщина. Этот документ представляет из себя выписку из акта присутствия Денауского казия мулло Мир-Рахмана, из которой видно, что к нему из джамагата Каракии явился дехканин Худайберды Тагаймурадов, оформивший нижеследующую сделку с неким Мир Ахмедом:

«Я — Худайберды Тагаймурадов — беру на себя обязательство перед шариатом: получив одну тысячу танги (танга — 15 копеек), имеющих право хождения, отдаю одиннадцатилетнюю девушку сироту Махтаб-ой мулло-Мир Ахмеду. Если я потребую обратно указанную сироту, то я возвращаю обратно ему полученную мною сумму».

Затворничество, ранняя половая жизнь и материнство, тяжелое положение в семье калечили женщину и к 25—30 годам она нередко превращалась в старуху.

Рабское положение женщины таджички закреплялось еще чрезвычайной легкостью развода, правом на который фактически располагал только мужчина. Достаточно было ему трижды повторить такие фразы как «выйди вон», «ты разведена», «я отдаю тебя твоему семейству» и развод считался состоявшимся. Развод по инициативе жены совершался только по разрешению кази, но фактически никогда женщина не обращалась к кази, зная, что он всегда становился в таких делах на сторону мужа.

Среди ряда законоустановлений, унижающих и закрепощающих женщину, особое место занимали предписания корана о паранджe. Мусульманские духовники требовали, чтобы на достигшую девяти—десятилетнего возраста девочку надевали паранджу, и она лишалась таким образом той относительной свободы, которой пользовалась до этого.

Вот в каком невыносимо тяжелом положении находились трудящиеся в эмирской Бухаре. И из этого положения казалось не было выхода. В том случае, если кто-либо отказывался платить тот или иной из 55 налогов, существовавших в Бухаре, того подвергали жес-

Тюрьма в эмирской Бухаре (Рис. художника-очевидца Л. Бурэ)

токой порке и побоям. А когда с налогоплательщика взять было нечего, его избивали, а детей продавали в рабство. Нередки были случаи, когда голод заставлял бедняков самих в поисках куска хлеба продавать своих детей.

Малейшие проявления недовольства, протеста против невыносимого гнета и обирательства приводили к тому, что непокорных бросали в эмирскую тюрьму. А бухарское ханство «славилось» на весь мир не только своими налогами, но и жуткими тюрьмами, представлявшими из себя отвратительно грязные, вырытые прямо в земле ямы, закрытые сверху так, что в них почти совсем не попадал свет. В невероятной скученности, ибо тюрьмы бухарского ханства всегда были переполнены, с деревянными колодками на ногах люди заживо гнили в этих ямах, пожираемые кишащими на них паразитами.

Особо опасных преступников, а такими, конечно, считались все восставшие против эмирских порядков, подвергали жесточайшим казням. В Бухаре существовал специальный «минарет смерти», высокая башня, на которую вводили приговоренных к смерти людей и сбрасывали их вниз. В Бухаре особо «тяжких» преступников зарывали живыми в землю, или в лучшем случае вешали, причем перед тем как вешать, им перерезали горло. Все это делалось с целью устрашения населения, делалось публично на площадях и базарах, при огромном стечении народа.

Такими чудовищными жестокостями обеспечивалась бесперебойная работа «ведомства финансов» или внутреннего грабежа в бухарском ханстве. Без особых перебоев работало в Бухаре и «ведомство войны» или внешнего грабежа до тех пор, пока сам эмир бухарский не попал в лапы более сильного хищника, чем он сам— в лапы российского капитализма. Так, например, историки описывают эмира Шаха Мурада, правившего Бухарой в период 1785-1799 годов, как самого кровожадного разбойника и грабителя, покрывавшего свои хищнические цели и отвратительные склонности личиной ханжества и благочестия. В союзе с родовыми вождями туркменских племен он предпринял ряд набегов на Хорасан (Иран), воевал с афганцами. В один из этих набегов был взят и совершенно разрушен Мерв (1784 г.). Жители его были

убиты или уведены в неволю, а плотина на реке Мургаб (Султан-бенд, Бенд-и-Мерв), питавшая в течение многих веков цветущий Мервский оазис, разрушена. Так исчез с лица земли Мерв, один из древнейших и знаменитейших городов Средней Азии.

Конечно, все тяготы войн, которые вели бухарские эмиры, ложились на плечи трудящихся, ухудшали и без того их невыносимое положение.

Но если в бухарском ханстве с исключительной энергией правительственная власть занималась грабежом внутренним, а при малейшей возможности к тому и грабежом внешним, то совершенно иначе обстояло дело с третьей из упоминаемых Марксом функций государственной власти в азиатских странах—с организацией общественных работ.

Бухара, как и другие основные районы Средней Азии, является страной поливного земледелия. «В азиатских странах,—писал Карл Маркс в статье «Британское владычество в Индии», — земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды.» Благополучие населения и в бухарском ханстве всецело зависело от того внимания, какое уделяло правительство строительству ирригационных сооружений, поддержанию их в должном порядке. Но в Бухаре очень мало было правительств, заботившихся об организации оросительных мероприятий и, во всяком случае, ни одно из них те огромные средства, которые собирались с населения, не расходовало в какой-либо мере на ирригационное строительство.

Почти все, что собиралось в бухарском ханстве в виде податей с населения, за исключением той доли, которую оставляли себе беки, амлякдары и другие чиновники на местах, поступало в полное и бесконтрольное распоряжение эмира. «Подати и сборы бухарского ханства с самых отдаленных времен являлись одновременно вместе с тем и личным хозяйством его правителей, вследствие чего государственная казна считалась личной казной главы государства, который таким образом был в дейст-

вительности единоличным собственником всех доходов страны, неся лишь в полной зависимости от своего желания некоторые расходы на постройку государственных зданий, а равно и на выдачу наград и жалованья приближенным лицам».*

Поскольку эмир ни перед кем не был обязан отчитываться в собранных при помощи внутреннего и внешнего грабежа ценностях, нет никаких данных, по которым можно было бы иметь более или менее точное представление о производившихся им расходах, связанных с управлением государством. Впрочем С. Айни указывает, что главные расходы бухарского правительства шли на содержание сарбазов (войска) и нукаров (полицейских). У эмира, однако, в это время было лишь несколько тысяч сарбазов, на содержание которых не тратилось и миллиона рублей. Несколько сот тысяч рублей платили полицейским. Кроме того, эмир жаловал по различным поводам и причинам своих приближенных халатами и денежными наградами. На это тратилось около миллиона рублей.

На нужды народа в Бухаре не тратилось ни одной копейки. Народного образования в Бухаре не существовало, если не считать немногочисленных медрессе—духовных школ, в которых изучали коран и шариат исключительно сыновья мулл и ишанов.

Ничего не тратилось при эмире и на нужды народного здравоохранения. В Таджикистане не было даже и в помине лечебных заведений, не существовало вообще никакой медицинской помощи. Лечение больных являлось функцией духовенства—мулл, ишанов, знахарей, табибов, фольбинов (гадальщиков) и... парикмахеров - сартараш. Конечно, они не лечили, а только калечили людей.

В Таджикистане свирепствовали заразные болезни. Оспа уносила ежегодно сотни и тысячи людей в могилу. Сотни и тысячи людей, перенесших эту ужасную болезнь, оставались калеками на всю жизнь: слепыми, глухими и т. п. Сифилисом и малярией было поражено население целых кишлаков.

Нередки в Таджикистане были случаи психических заболеваний среди бедняков и батраков. Муллы и ишаны приковывали таких больных железной цепью за ногу

* *Логофет.* „Страна бесправия".

к столбу и «лечили» их заговорами, заклинаниями и палочными ударами. Палками муллы били душевно-больных до потери сознания.

Эмирское правительство было таким образом в полном смысле этого слова паразитическим правительством, ничего не дававшим народу и вытягивавшим из него все его жизненные соки.

Система жесточайшего подавления народных масс, их полное бесправие открывали самый широкий простор для любых проявлений самых низменных инстинктов правящей верхушки бухарского ханства.

При дворе эмира процветал необузданный разврат. Бухарские чиновники, чтобы заслужить милость эмира, отбирали у родителей дочерей и отправляли их ему в подарок. Гиссарский бек Авлия Кулбай привез эмиру однажды сразу 30 девушек.

Заурядным явлением в бухарском ханстве были такие факты, о каких сообщается, например, в записках российского политического агентства в Бухаре:

«Мирзо Юлдаш Бек Бий-дотхо долгое время являлся беком над всем таджикским населением в верховьях Пянджа. Он забирал силой у дехкан девушек для духтар-хона (девичья комната) эмира. По приказанию Мирзо Юлдаша, протестовавшие против этого дикого произвола четверо из пяти захваченных таджиков были жестоко избиты нагайками и затем подвешены со связанными на спине руками на деревья, на которых висели все время, пока дотхо обедал в тени деревьев.»

В гарем эмира свозили девушек не только из Бухары. Располагая неограниченными средствами, собираемыми с населения, эмир завел целую сеть контор специальных сводников-маклеров, доставлявших ему девушек, добываемых всякого рода преступными путями в других странах.

О том, что представлял из себя моральный облик чудовищных выродков, правивших Бухарой, показывает характеристика одного из последних эмиров Бухары — Насруллы, правившего в 1827-1860 годах. Этот потомок уже упоминавшегося нами Шаха-Мурада вступил на престол по трупам убитых им младших братьев. В течение долгого своего правления этот отврати-

тельный тиран наводил ужас на всю Среднюю Азию. Ведя упорные, но не всегда удачные войны с узбеками Шахризябса, Кокандским ханством, Хивой и Афганистаном, Насрулла являлся у себя дома необузданным деспотом. Творившиеся им неслыханные насилия и зверские казни закончились убийством его жены, ее брата со всеми детьми, совершенным у смертного ложа изверга.

Конечно, никакой аппарат подавления трудящихся в бухарском ханстве не мог бы справиться со своими задачами, если бы на страже интересов эксплоататоров не стояла религия. Именно поэтому в системе управления бухарского ханства играли видную роль не только главный раис с подчиненным ему полицейским аппаратом, но и кази-калям, ведавший армией мусульманских духовников различных рангов и степеней.

Религия узаконяла буквально все, что творилось в бухарском ханстве. Законами ханства были законы «благородного» шариата и корана. Иначе говоря, вся система внутреннего и внешнего грабежа, бесконечного издевательства над трудящимися в бухарском ханстве освящена была авторитетом самого аллаха. Полицейские и чиновники насилиями и пытками охраняли существующий порядок. Им помогали муллы, ишаны и прочие мусульманские духовники, связывая волю трудящихся к борьбе с произволом эмира и чиновно-полицейской банды, на которую он опирался.

Мулла в бухарском ханстве был таким же кровососом, как и все прочие правительственные чиновники. Об этом красноречиво свидетельствует сложившаяся в то время поговорка: «блохи, вши и мулла—самое большое зло для народа». Но мулла не только собирал положенную и неположенную ему дань с «правоверных», он еще и одурманивал народ, утверждая, что вся эта система грабежа установлена самим богом, что эмир есть наместник «последнего из пророков»—Мухамеда,—халиф, охраняющий «чистоту» мусульманского вероучения.

Эмирское правительство создавало мусульманским духовникам самую благоприятную обстановку для религиозной пропаганды. Для этой цели мобилизованы были все средства, в частности государственное законодательство и полицейский аппарат. В Бухаре существовал

целый ряд законов, которые сурово карали трудящихся за несоблюдение религиозных обрядов.

За одно лишь непосещение мечети люди подвергались жестоким избиениям, которые сопровождались нередко конфискацией имущества. Люди, замеченные в повторных нарушениях ханженских правил благочестия, предавались смертной казни через повешение.

Духовенство в Бухаре ведало отправлением судопроизводства (суд казиев по шариату). Конечно, в этом судопроизводстве царил произвол и право было всецело на стороне эксплоататоров. Трудящиеся никогда не могли добиться правды в эмирских судах.

Правители бухарского ханства с особенной энергией старались связать религиозными путами порабощенных ими таджиков. Они знали, что при помощи одних только полицейских им не удержать в повиновении этот свободолюбивый народ и старались привить таджикскому населению бухарского ханства особую религиозность. Все эти мракобесы и душители свободы были настойчивы в осуществлении поставленной цели. Один из исследователей Туркестанского края пишет, что таджики «в отношении религиозности и фанатичности едва ли не превосходят всех других туземцев.» По его словам, среди окружающего населения «таджикские кишлаки вызывали даже насмешки, вследствие исключительного обилия святых и мест их погребения—мазаров, вследствие того, что в верованиях, быте и миросозерцании таджиков усилиями духовенства сохранилось особенно много отголосков далекого прошлого, выражающихся в обрядах, суевериях, мифах и в особенности в вере во всевозможных духов—чистых и нечистых.»

Все эти дикие предрассудки и суеверия насаждались и культивировались мусульманскими духовниками, которые были заинтересованы в том, чтобы держать трудящихся Бухары в темноте и невежестве, в покорности эмиру и его чиновникам.

Бухара была страной полного бесправия трудящихся. Они влачили нищенское, жалкое существование, а беспощадно грабившая и угнетавшая народ, праздная, морально разложившаяся и ни на что неспособная правительственная паразитическая верхушка утопала в роскоши.

БУХАРА—КОЛОНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ.

До захвата российским капитализмом бухарского ханства последнее было страной феодальных отношений. Превращение Бухары в колонию царского самодержавия не привело здесь к сколько-нибудь значительному росту капитализма. Русский капитализм превратил Среднюю Азию в свой рынок, втянул ее в мировое товарное обращение. Развитие капитализма здесь пошло однако не по тем путям, какими оно шло в Европе и Америке и носило уродливые формы.

Российский капитализм в Средней Азии не произвел коренного переворота в способе производства, не привел к революционной ломке общественных форм, не явился причиной сколько-нибудь заметного культурного прогресса страны. Здесь произошло то, что записано в решениях VI Конгресса Коминтерна о колониальной политике империализма:

«Специфические колониальные формы капиталистической эксплуатации, осуществляемые той же самой английской, французской или любой другой буржуазией, в конечном счете **тормозят** развитие производительных сил соответствующих колоний. Проводится минимум строительной работы (железные дороги, гавани и т. д.), необходимый как для военного господства в стране и обеспечения бесперебойного действия налогового пресса, так и для надобностей торговли империалистической страны. Сельское хозяйство колоний вынуждено в значительной своей части работать для экспорта, но этим крестьянское хозяйство отнюдь не освобождается от угнетающих его докапиталистических пут. Оно, как общее правило, превращается в «свободное» товарное

хозяйство путем подчинения докапиталистических форм производства потребности финансового капитала, усугубления докапиталистических методов эксплуатации путем закабаления крестьянского хозяйства под иго бурно развивающегося торгового и ростовщического капитала, усиления налогового бремени и т. д. и т. д. Эксплуатация крестьянства усиливается, но его производственные методы не обновляются» (Коминтерн в документах «Партиздат» 1933 г., стр. 839).

Царское самодержавие не уничтожило в Средней Азии вообще, и в бухарском ханстве в частности, феодальных форм эксплоатации. Наоборот, создав над системой феодальных и феодально-патриархальных отношений надстройку в виде своего военного и полицейско-чиновничьего бюрократического аппарата, возглавляемого туркестанским генерал-губернатором, в виде торгово-посреднического коммерческого аппарата российского капитализма, оно только усилило эксплоатацию местного земледельческого населения, затормозило культурное и хозяйственное развитие народа, искусственно задержало разрушение переживших себя реакционных форм быта и идеологии, насквозь пропитанных духом корана и шариата.

По договору 1876 г., утверждавшему вассальную зависимость Бухары от России, бухарский хан был лишен права осуществлять какие бы то ни было внешне-политические сношения, в Бухаре было установлено царское политическое агентство.

В 1894 г. последовало таможенное об'единение бухарского ханства с Россией и снятие таможенной линии с русско-бухарской границы. В то же время была учреждена пограничная стража и организованы таможни по границе ханства с Афганистаном.

Результаты этого мероприятия не замедлили сказаться. Торговые сношения Бухары через Афганистан с Индией почти совершенно прекратились. В то же время в ханстве стали широко распространяться русские товары, вытеснившие изделия англо-индийского происхождения.

Политика царского правительства в Бухаре, как и во всей Средней Азии, была расчитана прежде всего на превращение её в монокультурый хлопковый район,

в аграрно-сырьевой придаток российской империи. Об этом убедительно свидетельствуют данные о росте хлопковых площадей по Средней Азии за период 1894—1916 г.г.: 1894 г.—116.452 десятины, 1904 г.—253.647 десятин, 1914 г.—438616 дес. и 1916 г.—533661 дес. Убедительно свидетельствуют об этом и цифры вывоза средне-азиатского хлопка в Россию: в 1894 г. вывезено—2600 тыс. пудов, в 1904 г.—6400 тыс. пудов, в 1914 г. — 15500 тыс. пудов и в 1916 г. — 17.500 тыс. пудов.

Интенсивно развивалось хлопковое хозяйство и в бухарском ханстве. В 1871 году газета «Туркестанские ведомости» писала: «привоз хлопка-сырца в Европейскую Россию из Бухары за последние годы удесятерился». Хлопок занимал основное место в оборотах бухарского ханства с Россией. В Россию вывозилось из Бухары на 50-55 милл. рубл. товаров, в том числе хлопка не менее, чем на 30 милл. рублей.

В 1913 г. на долю средне-азиатского хлопка из общего количества хлопка, переработанного на фабриках в царской России, приходилось более половины. Остальной хлопок завозился извне и царская Россия всемерно стремилась понизить количество импортируемого хлопка за счет дальнейшего увеличения хлопковых посевов в Средней Азии.

Развитие хлопководства, являющегося сейчас основой зажиточной и культурной жизни колхозников, в период царской колонизации Бухары только способствовало усилению эксплоатации, влияния и власти байских элементов. Хлопковые посевы, вытеснив зерновые культуры, нарушили тем самым установившееся в Бухаре равновесие натурального хозяйства, в котором возникала теперь постоянная нужда в хлебе и возрастала нужда в деньгах. Нужда в деньгах и хлебе усилила и без того широкие возможности ростовщической деятельности баев, усилила возможность невероятной наживы скупщиков сельскохозяйственных продуктов.

О том, как и в какую кабалу попадал дехканин-хлопкороб, дает представление следующее описание процесса торговли хлопком в книге «Туркестанский Край», автор которой отнюдь не склонен преувеличи-

вать губительные последствия царской колонизации Средней Азии.

«Торговля хлопком находится в руках многих местных, московских и лодзинских фирм, которые, оперируя за свой счет или, чаще всего, на средства банков, скупают хлопок для удовлетворения хлопчато-бумажной промышленности. Так как хлопок приходится скупать у туземцев по мелочам, эти фирмы производят эту операцию через своих агентов, которые в видах обеспечения за фирмой известной, иногда уже заранее запроданной, партии хлопка, раздают хлопкоробам задатки или ссуды под посев. Еще более распространенной операцией с хлопком является спекулятивная скупка его при помощи особых посредников или скупщиков («чистачи»), которые, получая авансы от фирмы, обязываются ей дать известное количество волокна в определенный срок по определенной цене. Чистачи, в свою очередь, в видах обеспечения себя необходимым количеством товара, заключают подобные же сделки на срок с выдачей авансов под будущий хлопок с хлопкоробами и, получив от этих последних сырец, очищают его на заводах и сдают чистое волокно фирмам.

Пользуясь нуждой туземца в деньгах перед посевом и практикуя различные неблаговидные приемы при сдаче хлопка фирме, чистачи наживают большие деньги и держат в кабале не только хлопкоробов, но и отчасти фирмы, связанные в свою очередь обязательствами по доставке хлопка.»

Таким образом хлопок не принес благополучия дехканину-хлопкоробу и это должны были признать сами царские чиновники-колонизаторы. В «Трудах» совещания инспекторов мелкого кредита, состоявшегося в 1895 г. в Самарканде, по этому поводу говорится:

«Казалось бы, что ввиду ценности хлопка и его обеспеченного сбыта хозяйственное положение рядового дехканина должно было бы улучшиться, на самом же деле приходится видеть и слышать лишь отрицательные стороны его.»

А сами дехкане по этому поводу говорили: «Вместе с белой ватой пришла черная беда!»

Вину за «отрицательные стороны» хлопководства

царские инспектора мелкого кредита всецело возлагали на упомянутых выше «чистачи» и комиссионеров, на систему задатков и ссуд, которые выдавались дехканам под хлопок.

«Не учитывая будущих событий,—говорится в упомянутых выше «Трудах»,—трудящийся класс охотно брал деньги под хлопок, расширял его посевную площадь и сокращал ее под посевы продуктов первой необходимости, цены на которые не замедлили подняться, конечно, искусственно и теми же лицами, кои снабжали население деньгами под хлопок. Таким образом, получая прибыль на хлопке, население в то же время переплачивало на хлебе, увеличивая ежегодно свою задолженность».

Вот как описывает один исследователь порядок сделки ростовщиков с дехканами, вынужденными пользоваться кредитом:

«Долговые обязательства, которые выдавались дехканами, были поразительными документами. Например, бралась ссуда 100 рублей, а вексель выдавался на 500 рублей.

В этих операциях пользовались всеми дозволенными и недозволенными приемами, чтобы закабалить дехканина. Хлопкоробы не только не знали сколько они должны, а сплошь и рядом платили два раза по одному и тому же векселю.»

Все это вело к разорению, обезземеливанию и обнищанию широких масс дехканства. Малоземелье и безземелье, явившееся результатом грабительской колониальной политики царизма, особенно резко было выражено в северных районах Таджикистана — в Канибадаме, а также в Ходжентском уезде. Так например, по данным, относящимся к 1908 г., в Ходжентском уезде незначительные по своему числу байские хозяйства владели десятками и сотнями десятин земли и в то же время 2389 дворов совершенно земли не имели, а тысяча дворов имела от одной четверти до одного танапа (четверть десятины)земли. В Ходженте, Ура-Тюбе, Нау и Канибадаме стоимость десятины земли доходила до 2-3 тысяч рублей.

Российские капиталисты и царское правительство совершенно сознательно и, применяя для этого все зави-

сящие от них меры, удерживали бухарское ханство (как и всю Среднюю Азию) на положении поставщика всякого рода сырья, особенно хлопка, которое обрабатывалось на фабриках и заводах в центральных районах России. Царизм намеренно задерживал развитие местной промышленности, совершенно не допуская развития даже текстильных фабрик, несмотря на наличие сырьевой базы для них. Весь хлопок отправлялся в Россию, а оттуда Бухара и вся Средняя Азия получали уже обработанный продукт. Когда же самаркандское акционерное общество обратилось к туркестанскому генерал-губернатору Самсонову с ходатайством о разрешении построить в Средней Азии ткацкую фабрику, последний заявил, что развитие ткацкого производства в Туркестане «весьма неблагоприятно отразилось бы на московском фабрично-заводском районе, сокращая в нем обработку хлопка на все то количество, которое останется с той же целью в пределах Туркестана, и подрывая торговлю московских мануфактурных фирм на среднеазиатских рынках выпуском своих, значительно более дешевых изделий.»

Открытые в незначительном количестве хлопкоочистительные, маслобойные и т. п. заводики не могли вместить всю безработную армию, образовавшуюся в результате разорения дехканства.

Разрушая мелкую кустарную промышленность, разоряя сельское хозяйство, царское правительство закрепляло все командные должности и квалифицированные профессии за колонизаторскими элементами, а местное население использовывалось как неквалифицированная, оплачиваемая буквально грошами, категория чернорабочих. Вот картина, характеризующая это разорение трудящихся Бухары, описываемая одним очевидцем-современником:

«Город Китаб населен широкими прослойками городской бедноты, которая не имеет специальных занятий, бросается от одного дела к другому, от одной профессии к другой, бедствует, не сводит концы с концами. По виду легко определить этот элемент: рабочая одежда засалена, рваный халат, по чему видно, что у владельца его нет уверенности в завтрашнем дне, — это носильщики, мусорщики, карауль-

щики, городской люд, который не успел пристать к городу, порвав уже давно с кишлаком. Их существование висит в воздухе».

И такое положение было совершенно неизбежным, если учесть, что только в одних горных районах Таджикистана до двадцати тысяч дехкан бедняков и батраков вынуждено было ежегодно заниматься отходничеством, работая на хлопкоочистительных заводах Ферганы и других городов. Но не лучше было положение дехкан и северных районов Таджикистана.

Царское правительство, создавая лучшие условия для привозимых из центра русских рабочих и ставя местное население в худшее положение, оплачивая их ниже русских рабочих в полтора-два раза, намеренно разжигало национальную рознь.

«Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим униженьям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним». (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 6).

Бухарское ханство и до завоевания его царизмом было страной тяжелого национального гнета, находившего между прочим свое выражение в том, что существовал особый сбор с немусульман, к числу которых относились главным образом евреи. Царское правительство сделало все от него зависящее для того, чтобы культивировавшиеся в бухарском ханстве элементы национальной вражды всемерно усилить. Стремясь упрочить свое положение в завоеванном крае, оно не только ставило в привиллегированное положение русских рабочих, но еще и натравливало узбеков на таджиков, туркмен на узбеков, казахов на туркмен. Оно устраивало кровавые столкновения узбеков с таджиками, туркменами и киргизами.

Царское самодержавие, подчинив себе бухарское ханство, не только не потревожило его правящую верхушку, но еще и укрепило ее власть, поддерживавшуюся теперь силой штыков царской армии. В итоге то

исключительно тяжелое положение трудящихся, которое было охарактеризовано выше, еще более ухудшилось.

Вот что писал о создавшейся в это время в Бухаре обстановке один из царских чиновников—Логофет:

«Со времени нашего поступательного движения в Среднюю Азию, улучшение народной жизни в бухарском ханстве путем затрат на нее хотя бы части собираемых доходов, отошло в область предания. Сознание, что Россия обязательно рано или поздно поглотит территорию, вызывающее вполне основательную боязнь за будущее, явилось причиной того, что бухарским правительством стала осуществляться «шкатулочная система», при которой все государственное хозяйство стало вестись правительством, строго придерживаясь основного правила: все что попало в шкатулку под замок, из нее ни в коем случае не должно быть вынимаемо.

Увидя наглядно, что самостоятельное существование Бухары, окруженной русскими гарнизонами и разрезанной железными дорогами окончится и чувствуя, что доживаются последние годы привольного житья, бухарское правительство, разумеется, не желает заглядывать в будущее, всеми силами стремясь извлечь возможности выгоды из настоящего положения.

С каждым годом увеличивая размеры обложений и доведя их до чрезвычайной степени напряженности, бухарское правительство бесповоротно приняло решение уклониться от каких бы то ни было расходов на нужды страны, производя лишь затраты на представительство и на содержание войск, необходимых для поддержания силой оружия всех административных лиц, опирающихся на содействие войск при взыскании с населения бесчисленных налогов и податей». (Логофет. «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние». 1912 г.).

Вот что представлял в действительности гнет царя и эмира в бухарском ханстве.

Грабили трудящихся Бухары эмир, местные эксплоататорские классы, обирали их царские чиновники и российские капиталисты. Однако, ни эмир ни царское правительство знать не хотели о необходимости произво-

дить затраты на культурные и народно-хозяйственные мероприятия. В книге Логофета мы по этому поводу можем прочесть следующие интересные строки:

«...Несмотря на то, что Бухара является уже давно рынком, на котором находят себе сбыт в значительном количестве наши товары, мы совершенно игнорируем ее нужды, тесно связанные с интересами нашей торговли...

...Ограничившись постройкой самаркандско-термезского тракта, необходимого для стратегических целей, мы совершенно игнорируем дорожный вопрос в Бухаре, в силу чего между всеми бухарскими торговыми городами и поныне существуют лишь те дороги, которые были протоптаны десятки веков тому назад, а в настоящее время пришли в полный упадок.»

Хищническая политика царского самодержавия привела широкие массы трудящихся бухарского ханства к полному обнищанию. Население страны, беззастенчиво обираемое эмирскими чиновниками и русскими колонизаторами, стало безразлично относиться к своему хозяйству. Прекрасно зная, что большая часть всего того, что им производится будет забрано при помощи различных налогов и поборов, дехканин почти не заботился об улучшении и расширении своего хозяйства. В результате даже царские чиновники вынуждены были констатировать, что «на всей обширной территории Бухары замечается из года в год систематический упадок благосостояния населения.»

Для того, чтобы оправдать в глазах мирового общественного мнения свою захватническую политику в Средней Азии, царское правительство стало усиленно рекламировать «благодетельные» последствия и «цивилизующее» значение этой политики. Оно сделало представление бухарскому правительству о необходимости уничтожения ужасных бухарских подземных тюрем, в которых заживо гнили люди, прикованные цепями к стенам, с забитыми в тяжелые колодки ногами, о прекращении варварских методов казни «преступников». Эмир бухарский незамедлительно согласился на представление царского правительства и царские дипломаты с гордостью оповестили общественное мнение о достигнутых результатах.

Успехи «цивилизаторской миссии» царизма в бухар-

ском ханстве были на все сто процентов дутыми. Очевидцы писали, что и после согласия бухарского эмира на представление царских дипломатов в глухих городах и местечках внутренней Бухары продолжает существовать та же самая тюрьма-клоповник лишь в несколько измененном виде: незначительную часть заключенных держали для показа в лучших условиях.

Ничего не изменилось по сути дела и в способах расправы с «преступниками». Зарывать людей живыми в землю перестали, но попрежнему в базарные дни в городах производилось наказание палками и в эти же дни казнили на площадях приговоренных к смерти. «По принятому обычаю палач или родственник казнимого перед повешением на глазах огромной толпы любопытных, повалив на землю, режет несчастному горло, как барану».

Таковы были последствия царского владычества в бухарском ханстве, последствия, которые особенно тяжелым гнетом ложились на таджикскую часть населения.

Общий итог «цивилизаторской миссии» царизма в бухарском ханстве, быть может, лучше всего подвести при помощи упомянутого выше царского чиновника Логофета. В названной уже книге он пишет:

«Заглянув случайно во внутреннюю жизнь этой несчастной страны и ее бесправного населения, можно увидеть картину душу возмущающих бухарских порядков во всей их девственной неприкосновенности, наглядно указывающих, что на пути прогресса Бухара не сделала ни одного шага, оставшись во всех отношениях такою же, какою она была до русского завоевания, если не хуже. Нельзя не вспомнить, что этот уголок обширного азиатского материка в настоящее время является, едва-ли, не самым бесправным на всем земном шаре, где именем России и под ее высоким покровительством производятся возмутительные дела и чудовищное обирание населения, которое довело трехмиллионный народ до полного обнищания и постепенного вымирания».

★

Колонизация Средней Азии царизмом была таким же кровавым делом, как и господство англичан в Индии,

о результатах которого К. Маркс с таким негодованием говорил в одном из своих писем, относящихся к 1881 г.

Зверская эксплоатация как своими собственными угнетателями, так и русскими колонизаторами доводила трудящихся бухарского ханства до отчаяния и они нередко восставали против невыносимого гнета. Эти восстания, особенно нередкие в горных районах, начинались обычно с сопротивления эмирским чиновникам и сборщикам податей. Они иногда переходили в такие большие народные движения, как например, восстание Восе в 1885 году. Таджики, узбеки-локайцы и другие узбекские племена, населявшие территорию нынешних Ховалингского и Больджуанского районов, поднялись тогда против эмирского владычества. Они восстали против чудовищных поборов с целью захвата земель у феодалов и баев. Многочисленные народные песни донесли до нас образ героя восстания, его вождя и организатора—Восе.

„Восе сказал нам: я пойду,
С собой Назира я возьму
И Больджуан я заберу.

Не громкий чин влечет меня,
Не заслужил упреков я.
Не спи, народ, восстать пора!

Все, как один, пойдем, друзья,
Чтоб не быть рабству никогда!
Терпенья чаша уж полна."

Тысячи дехкан, вооруженных чем попало, двинулись из Ховалинга на крепость больджуанского бека. Чувствуя безнадежность сопротивления, бек бежал и восставшие, захватив штурмом крепость, три дня удерживали ее в своих руках.

Ограничившись местным успехом, восставшие, вместо того, чтобы развивать его дальше, поднимать против эмирского гнета новые кишлаки и районы, от атаки перешли к обороне и были разгромлены присланными эмиром сарбазами. После ожесточенного боя крепость была взята, восстание самым жестоким образом подавлено и Восе повешен.

В 1902 г. происходили волнения в Курган-Тюбин-

ском бекстве. Начиная с 1907 г., по словам Логофета, случаи столкновения населения со сборщиками податей «до крайности участились». В Гиссаре, Денау дехкане избивали зякетчи — сборщиков налогов, отовсюду к эмиру шли жалобы на поборы и насилие беков. Это настроение острого недовольства трудящихся в бухарском ханстве вылилось в выступления против эмира в ряде кишлаков Гиссарского и Кулябского бекств, в городах Кулябе, Шахрисябзе и Каршах.

Все эти неорганизованные, стихийно возникавшие выступления ждала одна и та же участь — поражение. И эти неудачи восстаний были связаны не только с отсутствием среди недовольных руководящей и организующей силы. Они заканчивались поражением еще и потому, что дехкане плохо представляли себе, что их враги не только зякетчи, амлякдары и беки, но и сам эмир и царское самодержавие.

Царизм в огромной степени укрепил положение бухарского эмира и эксплоататорской верхушки ханства. Опираясь на поддержку царского самодержавия, эмир бухарский подчинил себе окончательно бекства теперешних юго-восточных районов Таджикистана, являвшихся своеобразными феодальными княжествами, которые до покорения Средней Азии царизмом лишь формально входили в состав бухарского ханства. И если раньше дехкане, разгромив какого-нибудь больджуанского бека, могли еще расчитывать на временное, конечно, ослабление поборов, то теперь положение резко изменилось. Они сталкивались лицом к лицу с силой централизованного феодального государства, за спиной которого стояло царское самодержавие, его генерал-губернатор и многочисленные до зубов вооруженные гарнизоны. Такое положение вещей могло, казалось-бы, создать среди дехканства сознание полной невозможности сбросить со своих плеч ненавистное иго.

Но слишком тяжел был гнет, совершенно невыносимой была эксплоатация. Вспышки волнений следовали одна за другой и не только в Бухаре, но и по всей Средней Азии. Во время первой империалистической войны они вылились в героическое восстание 1916 года. Искрой, которая зажгла это восстание народов Средней Азии, был царский указ о мобилизации населения на

тыловые работы. Таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены, вооруженные винтовками, старыми ружьями, косами, палками и камнями, громили волостные управления, вступали в бой с полицейскими и чиновниками. До восьми миллионов трудящихся Средней Азии принимали участие в восстании 1916 года.

Но и это восстание, носившее разрозненный характер, лишенное пролетарского руководства, было подавлено царизмом.

Разгром восстания был произведен царским правительством при деятельной поддержке местной буржуазии и властей, байства, духовенства и националистических контрреволюционных партий. Над восставшими была учинена зверская расправа. 347 человек было приговорено к смертной казни, тысячи сосланы на каторгу и в тюрьмы. У восставших отнимали землю, имущество и скот. На тыловые работы было мобилизовано около ста двадцати тысяч человек.

СОВЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БУХАРЕ И ПАДЕНИЕ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА.

Радостно встретили изнемогавшие под колониальным гнетом народы Средней Азии весть о февральской революции, о низвержении царского самодержавия. И хотя царский сатрап — туркестанский генерал-губернатор Куропаткин — несколько дней скрывал телеграммы о перевороте, весть о нем быстро распространилась по всей обширной стране. О том, что власть царя неизвергнута стало скоро известно даже в самых отдаленных кишлаках и аулах. Во многих местах состоялись демонстрации и митинги, на которых массы приветствовали низвержение царской власти.

Февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила, однако, и не могла разрешить задач национально- освободительного движения в Средней Азии. Власть в стране перешла в руки буржуазного Временного правительства, которое всеми силами стремилось сохранить в Средней Азии созданный царизмом бюрократическо-чиновничий аппарат управления, начиная с туркестанского генерал-губернатора, губернаторов областей, уездных начальников и т. д., и кончая низовым полицейским аппаратом.

Временное правительство князя Львова всемерно поддерживало туркестанского генерал-губернатора Куропаткина, который по получении известия о февральской революции стал сеять провокационные слухи о готовящейся яко-бы резне всех русских местным населением. Он предложил русским рабочим в Ташкенте сформировать бронепоезд для того, чтобы устранить эту мнимую опасность. Рабочие, конечно, не поддались на эту провокацию.

Вскоре на местах и в Ташкенте начались аресты сторонников старого режима. Куропаткин однако до конца марта 1917 года исполнял свои обязанности. Он проводил прежнюю политику, пытаясь осуществить распоряжения царских властей о колонизации Семиречья, о захвате земель местного населения с целью передачи их колонизаторским элементам. Он издал целый ряд реакционных приказов, в частности приказ о назначении местного самоуправления в Ташкенте (городской думы) наполовину из русских, наполовину из мусульман.

Под нажимом революционных рабочих и солдат Куропаткин, в конце концов, был смещен со своей должности и уехал в Петроград. Но это не изменило обстановки: функции туркестанского генерал-губернатора стал выполнять специальный комитет Временного правительства под председательством кадета Щепкина, а Куропаткин, приехав в Петроград, продолжал здесь свое дело. В конце апреля 1917 г. он посетил министров Временного правительства Керенского и Шингарева, которым, как сам Куропаткин пишет в своем дневнике, «указал на необходимость не применять полностью принципа равенства» в отношении Туркестана и по следующим соображениям: «большинство голосов будет у туземцев и они захватят все в свои руки...»

Таким образом «уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета» (Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 70). Лживыми, насквозь лицемерными фразами о свободе и революции, буржуазное Временное правительство, меньшевики и эсеры пытались прикрыть в Средней Азии старую царскую политику национально-колониального угнетения.

Обнажив все противоречия колониального режима в стране, обнажив классовые противоречия, февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила ни одного из них. В частности, неприкосновенным осталось и прежнее административное деление Средней Азии, а следовательно и территориальная разобщенность таджиков, узбеков, туркменов, киргизов и казахов. «В сохранении власти над национальными окраинами и в даль-

нейшей империалистической экспансии буржуазия видела одну из основ своей экономической и политической мощи, своего классового господства» («История гражданской войны в СССР»).

Февральская революция расчистила, однако, дорогу для организации масс. Ташкентские железнодорожники уже 2 марта создают первый в Средней Азии Совет рабочих депутатов. Советы рабочих и солдатских депутатов создаются и в других городах Средней Азии, возникают профессиональные союзы.

Предательство социал-соглашательских партий, поддерживавших империалистическую политику буржуазного Временного правительства в отношении Средней Азии, политику, которая преследовала цель—всемерно затормозить процесс организации широких масс трудящихся местных национальностей—привело к известной оттяжке с созданием Советов крестьянских депутатов в кишлаках. Вскоре, однако, они создаются.

Самым энергичным образом организуются и национальные верхи Средней Азии—национальная буржуазия, цели которой постепенно оформляются как цели использования февральской революции для того, чтобы взять власть в свои руки, создать национально-буржуазное государство. Национальная буржуазия стремится к созданию своих общенациональных об'единений с национально-религиозной платформой. При помощи корана и шариата, при помощи реакционных духовников она хочет упрочить свое влияние на массы. В Ташкенте возникает краевой совет мусульманских депутатов, руководимый представителями националистической буржуазии—джадидами. Реакционное духовенство, баи, помещики, реакционные слои крупной буржуазии организуются в особую политическую партию «джумухуриет улема».

Возникновение организаций рабочего класса, оформление организаций буржуазии создает обстановку, характеризующуюся началом борьбы между ними за власть.

Экономическая отсталость Средней Азии, искусственно поддерживаемая царизмом, отсутствие сильных большевистских организаций, малочисленность промышленного пролетариата, особенности обстановки, в которой он развивался, очень незначительное количество рабочих из среды коренного населения—все это обуслов-

ливало относительную слабость рабочего движения в Средней Азии.

Большевистская организация оформляется сначала как крупная фракция в составе единой социал-демократической организации Ташкента. Она быстро увеличивается количественно за счет рабочих и солдат. Большевистские группы создаются в других городских центрах Средней Азии, в частности в Ходженте. Уже в мае месяце большевистская группа в Самарканде на митинге 7-го Сибирского полка проводить резолюцию, самым энергичным образом требующую прекращения империалистической войны.

По мере того как в среду рабочих и бедняцких элементов кишлака проникали лозунги большевиков, подготовлявших социалистическую революцию, рос процесс классового размежевания, освобождения рабочего и дехканского населения из под влияния национальной буржуазии. Устанавливался политический союз между рабочим классом и национальным крестьянством, к рабочему классу присоединялась городская и деревенская беднота. Усилению этого процесса способствовал начавшийся в мае возврат более ста тысяч мобилизованных в 1916 г. на тыловые работы. Побывавшая в крупных индустриальных центрах России, пережившая февральский переворот среди общей массы рабочих и солдат городская и деревенская беднота Средной Азии, возвратившись в родные места, явилась могучим орудием смычки между рабочим классом и трудящимися массами кишлака. Именно после возвращения демобилизованных возникают и быстро растут классовые организации трудящихся Средней Азии.

В процессе развития революции, по мере роста большевистских организаций Средней Азии, широким массам трудящихся становится очевидным, что освобождение от национально-колониального гнета немыслимо без разрыва с империализмом, без низвержения русской буржуазии и местных эксплоататорских верхов, стремившихся к увековечению феодально-капиталистического рабства. Для них становилось все более очевидным, что освобождение от национального гнета может дать лишь власть Советов.

Так развивались события после февраля 1917 г. в

Средней Азии, Эмирская Бухара была одним из наиболее отсталых участков революционной борьбы, несмотря на глубокое недовольство широких масс трудящихся режимом жесточайшей эксплоатации и террора, несмотря на то, что растущая торговая национальная буржуазия, ни в какой мере не допущенная к управлению страной, стояла в оппозиции к эмиру и стремилась к политической власти.

Буржуазно-националистическая партия младобухарцев-джадидов была единственной выразительницей тенденций национальной буржуазии к захвату власти. Но трусливые и нерешительные, готовые к любым компромиссам джадиды до революции ограничивались благопожеланиями относительно реформы школы, введения новой орфографии и улучшения методов преподавания. Вся работа бухарских джадидов в это время сводилась к культуртрегерству, к организации так называемых новометодных, светских школ. О борьбе с эмиром бухарские джадиды даже не помышляли. В 1913-1914 г., когда эмир закрыл новометодные школы, вожаки бухарских джадидов восприняли это мероприятие спокойно, не выразив никакого протеста. Некоторые из них лишь покинули Бухару и организовали сеть новометодных школ в других городах Средней Азии. Джадиды не помышляли никогда также и о борьбе с царизмом. Они не только не возглавили восстания 1916 года, но наоборот, где только могли (например, в Джизакском районе) предавали его, агитируя за выполнение царского указа о мобилизации населения на тыловые работы.

Февральская революция активизировала джадидов. Пользуясь отсутствием в Бухаре промышленного пролетариата, эксплоатируя религиозные предрассудки, джадиды пользуются благоприятной обстановкой для того, чтобы осуществить свои политические цели. Однако и в этот момент требования джадидов характеризовались крайней нерешительностью и боязнью сказать что-нибудь лишнее в критике феодального строя. Виднейшие идеологи джадидизма пресмыкались перед эмиром. Один из них Абд-Ар-Рауф Фитрат, восхваляя эмирскую Бухару, писал: «это—солнце образованности, это—рай мира человечества, это—благоустроенный дом науки мира, это—

аудитория познания для всего света!» (Рассказы индийского путешественника).

Все надежды на переустройство деспотического режима Фитрат возлагал на самого бухарского эмира. «Я положительно могу утверждать, говорил он, что справедливый и обладающий светлым разумом эмир и его визири, боящиеся бога и благовоспитанные, могут прекрасно реорганизовать все это».

Джадиды успех своих культурных начинаний отнюдь не ставили в связь с успехом революции. Все свои расчеты они связывали с поддержкой Временного правительства и больше всего надеялись на «добрую волю» и «светлый разум» эмира.

В начале марта эмир получил из Петрограда телеграмму с предложением ускорить реформы, с указанием, что «при новом строе в России не может и не должно существовать близкого и соседнего бесправного народа». Эта телеграмма была подкреплена соответствующими шагами русского политического агента в Бухаре Миллера. И вот 17 марта 1917 г. эмир обнародовал торжественный манифест:

«В непрестанных заботах наших о благе и счастье всех верноподданных наших,—говорилось в манифесте,—решили мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления, искоренению всех злоупотреблений и неправильностей, строго на выборных началах, согласно желания народа.

Напоминая всем верноподданным нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний, полезных для бухарского народа».

Манифест содержал обещание ввести реформы и самоуправление, но... «по мере того, как надобность в этом будет выясняться».

Джадиды встретили этот манифест великим ликованием, расценили его как крупную свою победу и вышли на демонстрацию с лозунгами: «да здравствует эмир—освободитель!» В связи с манифестом ожидалось освобождение политических заключенных. Однако, все реформы, которые даровал под влиянием февральской ре-

волюции эмир своим верноподданным, свелись к выборам «из достойных и уважаемых людей»... санитарного совета!

В это время события в передовых районах Средней Азии шли своим чередом. Контрреволюционная буржуазия и феодальные группы, напуганные пробуждающейся активностью масс, стремились ликвидировать завоевания революции, восстановить старые порядки. Буржуазия собирает силы для разгрома Советов, вокруг которых все теснее и теснее сплачиваются массы. С особенной остротой эта борьба протекает в Ташкенте, где руководство ташкентским Советом переходит в августе в руки большевиков. И в других городских центрах Средней Азии большевики организуют широкие массы трудящихся на борьбу против Временного правительства, за переход власти в руки Советов.

В ответ на корниловский мятеж и наступление буржуазии на завоевания революции, рабочие и солдаты Ташкента при поддержке трудящихся Старого города 12 сентября захватывают власть в свои руки. Хозяином города становится ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Успехи большевиков в Ташкенте произвели очень большое впечатление на буржуазию и ее социал-демократических лакеев. Меньшевистско-эсеровский краевой совет уезжает немедленно из Ташкента в город Скобелев и оттуда обращается ко всем Советам на местах с призывом—не признавать вновь избранный исполнительный комитет ташкентского Совета и созданный в процессе захвата власти ташкентский революционный комитет. Буржуазные организации Ташкента шлют панические телеграммы Керенскому с просьбой о немедленной вооруженной помощи.

«В Ташкенте вся власть переходит в руки Совета, при чем старые власти сменяются», пишет т. Сталин 17 сентября, предупреждая массы о том, что правительство Керенского принимает ряд мер против ташкентского Совета. Меры эти были совершенно определенны. Опубликованная в газетах телеграмма Керенского из Петрограда гласила: «преступная попытка ташкентского Совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства является явно контрреволюционной...

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени

Высылаются войска и пулеметы»...Меньшевистско-эсеровский соглашательский ЦИК Советов, поддерживая Керенского, шлет в Ташкент телеграмму о том, что «насильственные и незакономерные выступления против органов революционной демократии» являются совершенно «нетерпимыми» и должны немедленно быть ликвидированы.

В течение десяти дней ташкентский Совет был полновластным хозяином в городе. Правительство Керенского располагало однако еще в этот период возможностями отстоять свою власть при помощи вооруженной силы. В Ташкент отправляется карательная экспедиция, возглавляемая генералом Коровниченко для подавления «мятежа». Рабочие и солдатские массы Ташкента вынуждены были отступить. Однако, они не позволили генералу Коровниченко разогнать Совет и покарать виновных в выступлении против Временного правительства. Генералу Коровниченко, встреченному всеобщей забастовкой рабочих Ташкента, пришлось заключить договор с исполнительным комитетом Совета о том, что все мероприятия, связанные с расформированием и передвижением частей ташкентского гарнизона, производятся в контакте с представителями Совета.

Посылка Временным правительством карательной экспедиции в Ташкент привела к тому, что даже самые отсталые элементы трудящихся начали понимать, что единственной партией, защищающей их интересы, является партия большевиков, что меньшевики и эсеры—это лакеи буржуазии, послушно выполняющие волю своего хозяина. Массы с каждым днем все больше и больше революционизируются. Ташкентские большевики, учитывая рост революционных настроений масс, готовят вооруженное восстание.

27 октября в Ташкент приходят первые сведения о восстании в Петрограде. На следующий же день начинаются вооруженные выступления рабочих, солдат и узбекской бедноты против белогвардейских войск. 1 ноября ташкентский Совет об'являет населению о победе над контр-революцией и установлении власти Советов.

Вслед за Ташкентом берут в свои руки власть Советы в Самарканде, Новой Бухаре, Джизаке, Пишпеке, Ашхабаде и других городах Средней Азии. Вооружаясь

чем попало, встает под руководством большевиков на борьбу с вековыми своими угнетателями трудовое дехканство.

Трудящиеся массы Средней Азии становятся под знамена большевистской партии, которая в опубликованной за подписями Ленина и Сталина «Декларации прав народов России», об'являет основные принципы национальной политики:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привиллегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Таким образом, свергнув власть буржуазного Временного правительства, великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила в стране национально-колониальный гнет. Впервые на протяжении многовековой своей истории народы Средней Азии вздохнули полной грудью. С энтузиазмом они встречают решения третьего Краевого С'езда рабочих и солдатских депутатов, происходившего в Ташкенте 15-21 ноября, который организовал краевую власть и избрал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края.

Советская власть сразу же приступает к ликвидации старого государственного аппарата и созданию аппарата советской власти, местных органов по борьбе с контрреволюцией, к национализации банков, железных дорог, к экспроприации у капиталистов фабрик и заводов. Советская власть национализировала землю и воду, установила 8-ми часовой рабочий день, конфисковала все запасы хлопка, находившиеся в руках капиталистов.

Этими и целым рядом других мероприятий была укреплена хозяйственная, политическая и военная мощь советской власти на всей территории Средней Азии, за исключением бухарского и хивинского ханств, где оставалась еще старая власть.

Сеид-Алим-хан-эмир бухарский и окружающая его реакционная банда прекрасно оценили создавшуюся после Октябрьской революции в Средней Азии обста-

новку. В Бухару устремились со всех концов Средней Азии разбитые в процессе революционной борьбы контрреволюционные элементы. Но Октябрьская революция угрожала смести и эмирский трон. Эмир вступает в отношения теснейшей дружбы со всеми российскими контрреволюционерами, предоставляет убежище разбитым русским белогвардейцам, принимается за укрепление своих вооруженных сил.

Скопление на бухарской территории русских белогвардейцев, крупных спекулянтов становится особенно заметным после разгрома первых очагов контрреволюции в Средней Азии, в частности попытки контрреволюционной националистической буржуазии создать в Коканде «автономное правительство» во главе с матерым панисламистом Мустафой Чокаевым. Это «правительство», создавшееся в конце ноября 1917 г. и стремившееся к восстановлению буржуазно-помещичьего строя и колониального рабства, было разгромлено трудящимися в феврале 1918 года. Разбитые участники «кокандской автономии», как и вся прочая контрреволюционная сволочь, нашли гостеприимный приют в Бухаре и под крылышком бухарского эмира готовились к новым выступлениям против ненавистной им Советской власти.

В целях ликвидации контрреволюционного очага в эмирской Бухаре, а также в связи с отказом эмира допустить в Бухаре национализацию русских частных банков, Совет Народных Комиссаров Туркестанского края отправляет в Бухару для переговоров с эмиром отряд красногвардейцев во главе с Колесовым. Колесов—один из участников первого туркестанского партийно-советского руководства, совместно с младобухарцами выработал манифест, предлагавший эмиру заменить старый состав бухарского правительства новым и образовать при себе совет из джадидов.

Эмир заявил Колесову, что «народ никаких реформ не желает» и отказался подписать манифест. Тогда Колесов приехал на станцию Каган с отрядом красногвардейцев. Эмир согласился подписать манифест, но с такими поправками, которые сводили манифест на нет. После нового нажима эмир подписывает манифест без всяких поправок, но тотчас же расстреливает посланную к нему для переговоров делегацию и об'являет «свя-

щенную войну» против «кафиров». Колесовский отряд оказывается в критическом положении—обманутое эмиром и реакционным духовенством население растерзало бы его, если бы не подошла помощь из Ташкента.

Колесовский поход в Бухару был грубейшей политической ошибкой, совершенно нетерпимым извращением ленинско-сталинской национальной политики партии и Советской власти. Попытка Колесова помимо масс, через их голову добиться от эмира уступок лишь задержала развитие революционной борьбы в бухарском ханстве. Вместо того, чтобы искать поддержки в массах, Колесов взял ориентацию на джадидов, которые почти никакой опоры в массах не имели и больше всего боялись народной революции. Колесов не видел или не хотел видеть, что джадиды вели подлую двурушническую политику, уверяя большевиков, что за ними стоит в Бухаре «тридцать тысяч готовых вооруженных революционеров».

После колесовского похода в бухарском ханстве начинает свирепствовать самая черная реакция. «Справедливый», обладающий «светлым разумом» эмир и его «благовоспитанные» визири распоясываются во всю. Они хватают всех, на кого падает хотя бы тень подозрения в сочувствии большевикам и бросают их в тюрьмы.

В марте и апреле 1918 г. отвратительные подземные камеры бухарской тюрьмы, над которыми стояли конюшни эмира так, что в камеры всегда сочились на заключенных грязь и нечистоты, были переполнены. Мало кому из заключенных этого периода удалось остаться в живых!

У эмирских палачей было так много кровавой работы, что даже их привычные нервы не выдержали. Знатоки «благородного шариата» вынуждены были придумать новый способ казни: схваченным эмиром людям уже не перерезали, как это было до сих пор, горло. На высоком окне рег-хана — одного из помещений бухарской тюрьмы—был устроен блок. «Приносимого в качестве высшей жертвы»—так согласно шариата имено-

вали в бухарском ханстве того, кто предавался казни во славу эмира—бросали связанного в это помещение и надевали на шею пеньковый аркан, пропуская один конец его по блоку наружу. Палачи тянули аркан за этот конец и петля стягивала горло заключенного. Выходило так, что пролитая кровь не беспокоила совести палачей и заключенный умирал, не увидя своего убийцу... «В эти дни, пишет С. Айни в «Дохунде», об-хана (так назывались камеры бухарской тюрьмы, расположенные под эмирскими конюшнями) не была как прежде темницей вечного заключения; наоборот, каждого, кто днем попадал туда, вечером уже тащили в рег-хану и душили арканами. Редко кто здесь оставался живым два-три дня».

Согласно личному распоряжению эмира, подозреваемым в сочувствии большевикам даже не давали куска лепешки, подвергали самым жестоким пыткам и бесчеловечным истязаниям. Таким образом было уничтожено около полуторы тысячи мнимых и действительных врагов эмира. Кроме того, в результате организованной как в городе, так и по всему ханству резне иноверцев, погибло свыше 1600 человек.

После «колесовских событий» бухарский эмир, поддерживая с внешней стороны дружественные отношения с Советской властью, уверяя большевиков в своей лойяльности, оказывает еще более широкое гостеприимство всем врагам Советской власти. Бухара становится центром, в котором сосредотачиваются различные антисоветские элементы. Прячась за спиной эмира, русские белогвардейцы, английские интервенты и афганские интриганы разрабатывают планы всякого рода провокаций против Советской власти.

Бухарский эмир, учитывая, что соседство с советским государством, где свергнута власть эксплоататоров, ничего хорошего ему не сулит, устанавливает все более и более тесные связи с врагами большевиков и готовится к вооруженной борьбе с ними. В Бухаре одна за другой происходят мобилизации, энергично заготовляется продовольствие и военное снаряжение. Приехавший в Бухару видный агент британского империализма генерал Малиссон ведет работу по реорганизации бухарской армии, оснащаемой привезенной на сло-

нах из Индии современной артиллерией. Старые сарбазы расформировываются, в армию набирается молодежь, для армии устанавливается специальная форма. Обучением реорганизуемых бухарских войск занимаются прибывшие в Бухару с разных концов России белогвардейцы. Англичанам, белогвардейцам и эмиру всемерно помогают реакционные мусульманские духовники. Для борьбы с большевиками они организуют специальный отряд из учеников медрессе. Охотно жертвуют средства на борьбу с большевиками бухарские купцы, мечтающие о том, что после победы контрреволюции в России они смогут с выгодой продавать свои товары: в Бухаре тогда скопились тысячи не находивших сбыта шкурок каракуля, миллионы пудов хлопка.

Советская республика в это время переживает трудное время. «Мурман на севере, чехословацкий фронт на Востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке— мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой», — так характеризовал 29 июля 1918 года В. И. Ленин военное положение страны. Опираясь на поддержку англо-французских интервентов, подымают в стране голову все антисоветские элементы. В Закаспии (июль 1918 г.) эсеры, меньшевики и буржуазные националисты, совершив контрреволюционный переворот, открывают империалистам двери Закаспийского края и отрезают Туркестан от бакинской нефти. Эсеро-меньшевистские банды и английские интервенты ставят перед собой задачу сомкнуться с бухарским эмиром и хивинским ханом. В оренбургских степях Дутов и чехословаки, захватив линию железной дороги около Оренбурга, отрезают Среднюю Азию от остальных районов Советской России, ликвидируют подвоз хлеба, топлива, промтоваров, вооружения и боеприпасов. Начинаются кулацкие мятежи в Семиречьи и организуемые в разных концах Средней Азии буржуазными националистами и русскими белогвардейцами, басмаческие восстания. В январе 1919 г. в Ташкенте происходит контрреволюционное восстание Осипова, который, будучи разгромлен советскими частями, вместе с остатками своей банды находит приют в Бухаре.

После ликвидации оренбургского фронта и соедине-

ния Средней Азии с РСФСР, в ноябре 1919 г. для помощи местным организациям из Москвы прибывает специальная комиссия по делам Туркестана. В. И. Ленин, определяя задачи комиссии, указал, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привиллегий одной национальной группы за счет другой—составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России (Ленин, соч., т. XXIV, стр. 808-809).

Осуществление этой директивы партия возложила на верных соратников Ленина — Сталина М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева и Л. М. Кагановича. Их упорная самоотверженная борьба против вооруженных сил контрреволюции в Средней Азии, за осуществление ленинско-сталинской национальной политики партии имела исключительно большое значение в деле полного упрочения Советской власти в Средней Азии.

Быстрыми темпами идет и процесс оздоровления партийной организации, от работы решительно устраняются националистические и колонизаторские элементы. Добиваясь установления правильных отношений с народами Туркестана, партийная организация под руководством т.т. Куйбышева, Фрунзе и Кагановича обеспечивает все необходимое для активного участия коренного населения в борьбе за успех социалистической стройки. Решительным шагом к укреплению Советской власти, к установлению братского содружества народов РСФСР и Средней Азии было принятие 9-м Туркестанским С'ездом Советов в сентябре 1920 года Конституции Советского Туркестана... «9-ый с'езд Советов,—говорил, характеризуя его итоги тов. Каганович, — определенно сказал в Конституции, что власть Туркестанской республики должна основываться на широких массах коренного мусульманского и трудового европейского населения здесь в Туркестане, что здесь не должно быть разницы национальной или групповой, а должна быть разница только классовая.»

Упрочение Советской власти вызывает бешеное

озлобление недобитых еще контрреволюционных элементов. Эмир по отношению к Советской России держит себя все более и более вызывающе. Происходят нарушения границы, нападения на советских служащих, проводится саботаж всех мероприятий, направленных на установление нормального товарообмена между Бухарой и Советской республикой. К лету 1920 г. при помощи международного империализма, снабжавшего эмира оружием, офицерами и инструкторами, в числе которых были не только русские белогвардейцы и английские специалисты военного дела, но даже присланные султаном офицеры демобилизованной турецкой армии, эмир сколотил 8-10 тысячную более или менее обученную и оснащенную современным оружием армию. Кроме того эмир располагал несколькими десятками тысяч людей, состоявших в ополчении беков, которые хотя и снабжались современным оружием, но были не обучены. Эмир собрал таким образом значительные силы для борьбы с Советской республикой.

В Бухаре однако росли не только силы контрреволюции. Если в 1918 г., в момент «колесовских событий» трудящиеся Бухары были свецело в плену религиозной идеологии, шли за реакционным духовенством и поддерживали эмира, то к 1920 г. в этом отношении положение стало коренным образом изменяться. Росту революционных настроений масс способствовало то обстоятельство, что в дополнение к огромным тяготам от разнообразных налогов на население были возложены теперь еще и расходы на военные мероприятия эмира. Эти расходы, как и всегда, явились поводом для личного обогащения многочисленных банд эмирских чиновников.

Мероприятия, проводимые Советской властью в Средней Азии, уничтожение векового гнета помещиков и капиталистов, ленинско-сталинская национальная политика партии, все это, несмотря на ошибки и грубые извращения, допускавшиеся отдельными колонизаторски настроенными работниками, приводило к очевидному для всех изживанию национальной отчужденности, вражды и недоверия. Широкие массы трудящихся бухарского ханства начинают проникаться мыслью о том, что власть Советов является властью трудящихся, действующей в

интересах угнетенных и эксплоатируемых против всех и всяких угнетателей.

Этому перелому в сознании трудящихся способствовала работа коммунистов Бухары. После «колесовских событий» в Самарканд и Ташкент из Бухары от эмирских зверств бежало много участников этих событий. Осознав, что только коммунистическая партия приведет народ к победе и освободит Бухару от эмирского гнета, они вступают в ее ряды, образуют коммунистическую партию Бухары, Коммунисты создают свои организации в Самарканде, Кагане, Чарджуе, они проникают в Бухару. ЦК компартии Бухары под руководством Российской Коммунистической Партии (большевиков) руководит революционным движением против эмира, поднимает и организует всех недовольных эмирским произволом. И если в начале августа 1920 г. активность бухарского эмира и орудовавшей около него банды международных авантюристов достигла наивысшей точки, то не бездействовали и молодые революционные организации Бухары. Коммунистическая партия усиленно ведет пропаганду среди населения и в эмирской армии.

5 августа 1920 г. в Бухару прибывают представители басмачей и духовенства Ферганы с целью побудить бухарского эмира ускорить выступление против Советской России в «защиту ислама». Эмир бухарский, который с момента колесовского похода лихорадочно ищет себе союзников, посылая специальные миссии в Афганистан, в Персию и даже к генералу Деникину, который устанавливает тесную военную связь с Афганистаном, охотно идет навстречу ферганским басмачам во главе с Мадамин-Беком.

В Бухаре было все готово для выступления против Советской республики. Мусульманские духовники, как и в 1918 году, вели среди населения проповедь священной войны против «неверных». Но она уже не имела успеха. Население Бухары, недовольное следовавшими одна за другой мобилизациями, отрывавшими людей от мирного труда в самый разгар полевых работ, понимало, что эмирское правительство, запутавшееся в империалистических, белогвардейско-басмаческих и националистических интригах против Советской власти, намеревается

М. В. Фрунзе

ввергнуть страну в ужасы кровопролитной войны с Советской Россией.

Работавшие в Бухарском ханстве организации большевиков, руководимые старым подпольным работником-большевиком, талантливым организатором М. В. Фрунзе, предупреждают контрреволюционное выступление Бухары. 16 августа 1920 года в Чарджуе созывается четвертый курултай коммунистической партии Бухары, явившийся сигналом к революционному восстанию трудящихся бухарского ханства против эмирского гнета.

Трудящиеся с огромным воодушевлением встретили открытие с'езда, на который собралось 86 делегатов с решающим голосом и 24 с совещательным. Здесь были представлены большевистские организации Новой Бухары (Каган), Чарджуя, Самарканда, Катта-Кургана, Мерва, Сакар-Базара, Керков, Термеза и др. Здание цирка где проходил с'езд было переполнено гостями, представителями трудящихся Чарджуя и его районов.

Открытие с'езда, который должен был обсудить вопрос о восстании против эмира сопровождался таким взрывом приветственных возгласов и аплодисментов, что от них буквально дрожало здание цирка.

Бурная овация в честь с'езда длилась несколько минут. Наконец с'езд приступил к работе. Двухчасовой доклад о политическом положении Бухары неоднократно прерывался возгласами:

—Смерть эмиру!

—Да здравствует бухарская революция!

Принятая с'ездом резолюция призывала массы к восстанию против эмирского гнета. С'езд единодушно высказался за необходимость, опираясь на вооруженные силы, имеющиеся в распоряжении компартии Бухары и помощь братской Красной Армии, начать борьбу с эмиром. С развернутыми красными знаменами делегаты с'езда вышли на улицы Чарджуя, где к ним присоединились тысячи трудящихся. Демонстрация продолжалась до самого вечера.

Решения курултая с энтузиазмом были встречены трудящимися и вызвали большую растерянность среди эмирских войск. В результате агитации коммунистов эмирские войска в ряде случаев расходились по домам, переходили на сторону восставших. Так например, 24

августа от двенадцатитысячного ополчения Чарджуйского бека осталось только две тысячи человек.

Большевистские подпольные организации Чарджуйского района, начавшие борьбу, 23 августа захватывают в свои руки Сакар-Базар.

29 августа при поддержке эрсаринских туркменов, с которыми восставшими была установлена связь, происходит захват Старого Чарджуя. Почти одновременно с захватом Старого Чарджуя вспыхивает восстание в Кермине и Шахризябсе. Революционные отряды под руководством бухарских коммунистов занимают целый ряд других городов. Движение носит дружный организованный характер. Созданный в процессе восстания революционный комитет привлекает к борьбе новые и новые силы, находит союзников в лице трудового дехканства. От имени бухарского народа восставшие обращаются к русскому пролетариату и Красной Армии с просьбой помочь им в их борьбе за свержение эмирского правительства.

Русский пролетариат и Красная Армия подали руку братской помощи угнетенному народу. М. В. Фрунзе в приказе войскам Туркестанского фронта пишет:

«В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь народу. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения его участи.

Красноармейцы, командиры, комиссары, на вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга. Вперед за интересы трудящихся Бухары и России! Да здравствует возрождающийся бухарский народ! Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!»

Важнейшей задачей был захват Старой Бухары—резиденции эмира, куда последний стянул большинство своих сил и где им были сосредоточены запасы и ценности. За выполнение этой задачи и взялись бойцы туркестанских частей под испытанным руководством М. В. Фрунзе.

Правительство эмира решило оказать наступающим частям Красной Армии упорное сопротивление. Эмир бухарский главному своему министру Астанкулу-Кушбеги отдает следующий приказ: «В своих непрестанных заботах о благе родины и страны нашей предписываю вам нижеследующее. Вам подлежит по получении моего приказа, во-первых, назначить военноначальниками Абдул-Хусей-Бия, Абдул-Ишан-Ага-Баши и Абдул-Захир-Тексаба; во-вторых—немедленно вооружить всех нукеров и аскеров Хатырчинского и Зиатдинского бекств.

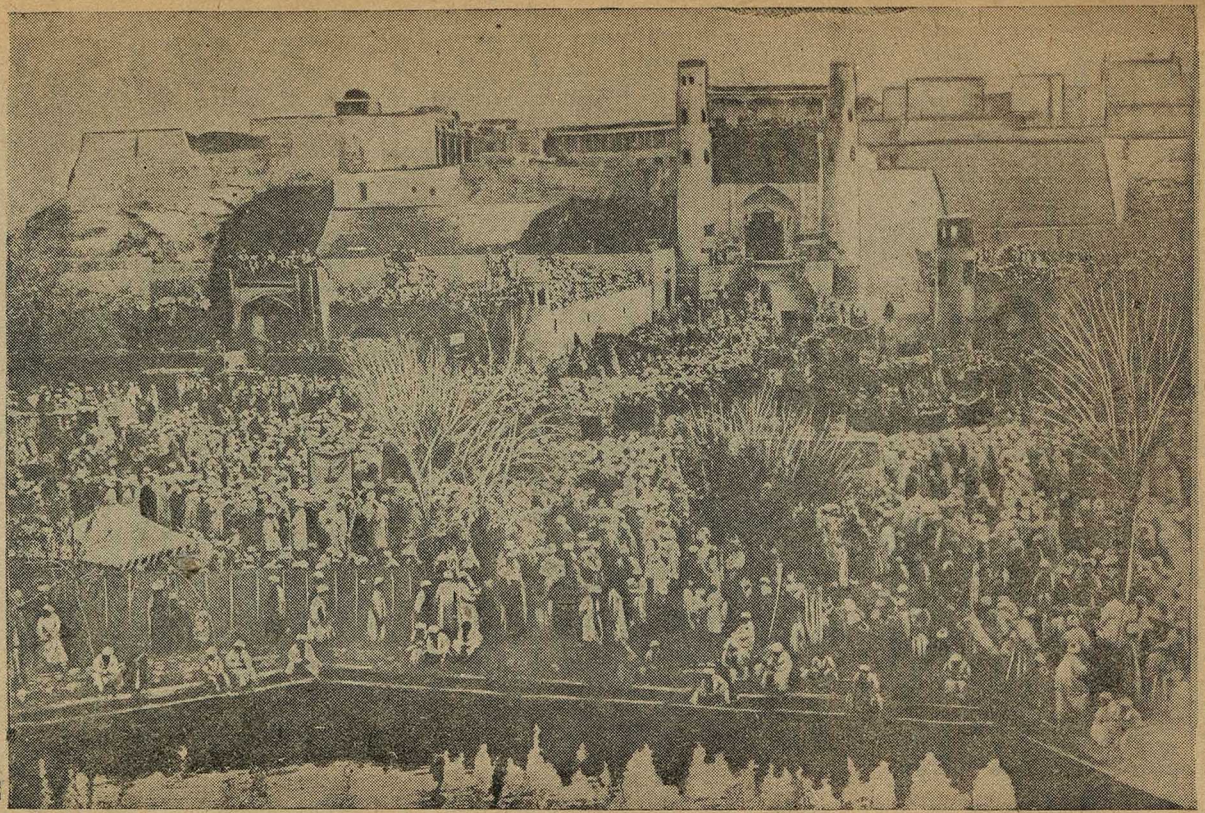
Затем всех жителей означенных провинций уведомить о начавшихся военных действиях. Вам самим, Астанкул, лично принять командование и во главе нукеров, аскеров и народа вступить в бой с врагами веры нашей и, охраняя границы, не допускать появления врага на нашей территории. Телеграфные провода и железную дорогу в пределах нашей провинции предписываю резать и разрушать и во всем поступать по великому шариату, доводя до моего сведения обо всем происшедшем».

Не чувствуя, однако, особой уверенности в благоприятном исходе войны, эмир бухарский принимает меры к вывозу из города различных ценностей, в том числе—своего мужского и женского гарема.

30 августа красные части начали боевые операции против Старой Бухары. Первые попытки взять штурмом крепостные глинобитные стены успеха не имели. Только лишь после того, как было подтянуто тяжелое артиллерийское орудие на дистанцию прямой наводки, удалось пробить брешь у каршинских ворот Бухары. Преодолев отчаянное сопротивление эмирских банд, красные войска ворвались в город и при помощи восставшего населения города и окрестных кишлаков выбили остатки эмирских войск из Бухары.

2 сентября 1920 года командующий войсками Туркестанского фронта тов. Фрунзе в телеграмме на имя В. И. Ленина писал:

«Крепость Старой Бухары взята сегодня штурмом соединенных усилий красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развивается красное знамя мировой революции».

Митинг трудящихся Бухары после свержения эмира

Сеид-Алим-хан эмир бухарский покинул свою столицу задолго до конца сражения. Еще 31 августа этот отвратительный выродок, достойный потомок таких же как и он сам, тупых, жестоких и развратных правителей Бухары, вместе со своей придворной челядью и под охраной 500 отборных всадников тайком вышел из города, в котором кипел упорный уличный бой, и бежал в сторону Карши.

Таким образом трудящиеся Бухары, при помощи Красной Армии, руководимой М. В. Фрунзе, низвергли навсегда гнет эмира.

ОБРАЗОВАНИЕ БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И БОРЬБА С БАСМАЧЕСТВОМ.

С огромным воодушевлением встретили трудящиеся Старой Бухары низвержение эмирата. Как только сопротивление эмирских банд было сломлено, город украсился красными флагами. Народ, одетый в праздничные одежды, горячо приветствовал вступающие в Бухару части Красной Армии криками: «Да здравствует революция! Да здравствует Красная Армия!»

14-го сентября 1920 г. состоялся первый Всебухарский курултай, который об'явил Бухарскую Народную Советскую Республику, создав ее законодательные и исполнительные органы — Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Назиров.

Об'явление народной, а не социалистической республики было обусловлено тем обстоятельством, что для этого Бухаре надо было пройти необходимый этап внутреннего развития в сторону социализма.

«Революцией в Бухаре руководили коммунисты»,— указывал характеризуя создавшуюся здесь после революции обстановку тов. Куйбышев. — Между тем, в результате революции, по вполне понятным об'ективным причинам установлен строй, который нельзя назвать социалистическим, так как для этого не созрели ни экономические, ни психологические условия»*).

Тов. Куйбышев указывал далее, что на Бухаре оправдывается тезис, принятый на 2-м конгрессе Коминтерна: «На первых порах революция в колониях не будет коммунистической, но если с самого начала во главе ее

---

*) „Изв. Турк. ЦИК Советов" от 4 ноября 1920 г.

встанет коммунистический авангард, то революционные массы будут выведены на широкую дорогу к достижению поставленной цели путем постепенного опыта». Этим именно и об'ясняется то обстоятельство, что хотя партия имела, как говорил тов. Куйбышев, «фактическую возможность безоговорочно влиять на государственный аппарат», она временно ограничила проведение в жизнь своей программы, поставив в центре своего внимания создание в Бухаре необходимых условий для быстрейшего развития ее в сторону социализма, организацию масс для борьбы за укрепление советского строя, на развитие классового самосознания трудящихся.

Разрешение этих задач протекало, как мы увидим далее, в исключительно сложной обстановке боев с классово-враждебными силами, с недобитыми остатками эмирско-басмаческих банд, поддерживаемых иностранными империалистами. Оно осложнялось и задерживалось подлой изменнической работой джадидов, пробравшихся в партийно-советское руководство Бухарской народной республики.

Советское бухарское правительство провозгласило полное равноправие всех национальностей и приступило к необходимым революционным преобразованиям. Оно отменило бесчисленные налоги и поборы, собиравшиеся в бухарском ханстве эмиром и бандой его чиновников и издало декрет о земле. Согласно этому декрету, все земли, вода, леса и природные богатства были об'явлены народным достоянием. Земли вакуфные, эмирские, земли чиновников, баев подлежали распределению между трудовыми чайрикорами и сельско-хозяйственными мардикерами, между безземельными и малоземельными дехканами по трудовой норме, а на остальных частях земельного фонда организуются советские хозяйства. Весь сельско-хозяйственный инвентарь, находившийся на этих землях, подлежал распределению между трудовыми хозяйствами применительно к их потребности. В то же время участки земли, не превышавшие трудовой нормы землепользования, с трудовым на них хозяйством, со всеми постройками и древесными насаждениями оставались в пользовании прежних владельцев, при чем это положение распространялось и на дехкан, пользовавшихся в пределах трудовой нормы участками вакуфных,

В. В. Куйбышев

эмирских земель и земель бывших эмирских чиновников.

Власть эмира в Бухаре была свергнута, но победа не была еще полной. Необходимо было обезвредить попытки бежавшего из Бухары эмира завоевать прежнее положение. Преследуя ушедшего в сторону Карши эмира, части первой туркестанской кавалерийской дивизии на перевале Тахта-Карача приняли бой с пытавшимися остановить наступление красной конницы эмирскими частями. Эмирским бандам в этом бою были нанесены такие тяжелые потери, что они в беспорядке покатились с перевала, заваленного их трупами. Вслед затем, после непродолжительного боя с бекскими ополчениями, красные конники заняли Китаб и Шахризябс. Эмир был вынужден уйти в сторону Гузара, где он сосредоточил более 5.000 джигитов из ополчения гузарского и каршинского беков. Второй туркестанский кавалерийский полк, войдя в соприкосновение с эмирскими бандами, нанес им решительное поражение и занял Гузар, продолжая преследование противника. Разбив сопротивление наиболее боеспособных шаек, пытавшихся обороняться, полк без боя занял Байсун. Но 29 декабря 1920 г. Байсун был окружен частями байсунского бека, насчитывавшими более 12 тысяч вооруженных джигитов.

Наэлектризованные религиозно-националистической агитацией эмирских ставленников, утверждавших, что большевики пришли в Бухару искоренить ислам, уничтожить их веру, джигиты бросились на штурм Байсуна. Огнем красных конников они были отброшены обратно, после чего перешли к осаде, обложив Байсун со всех сторон. Противник пытался сломить сопротивление мужественных бойцов Красной Армии многочисленными атаками, но каждый раз с большими потерями отступал. Банды байсунского бека отводили в сторону арыки, стремясь лишить гарнизон воды. Бойцы второго кавалерийского полка должны были производить вылазки для того, чтобы напоить своих измученных лошадей и пустить снова воду в город.

Двенадцать дней длилась героическая байсунская оборона, когда всего лишь несколько сотен красных бойцов отражали все атаки двенадцатитысячного ополчения байсунского бека. Полк продержался до прихода главных сил первой туркестанской кавалерийской диви-

зии, которая была послана для ликвидации шаек эмира Сеид-Алим-хана. При виде красных конников, которые шли на помощь героям Байсуна, бекские банды, потерявшие во время осады свыше трех тысяч человек, поспешно бежали.

В то время когда шла осада бандами байсунского бека красных частей, первый туркестанский кавалерийский полк, шедший им на помощь, в ущелье Бузгала-хана разгромил эмирский отряд численностью свыше 10.000 человек, имевший задачу не допустить главные силы красной конницы на выручку байсунского гарнизона. В ожесточенном бою эмирские войска были разбиты. Они бежали, не пытаясь даже задержаться на удобном для обороны перевале Ак-Кутай.

Сеид-Алим-хан после разгрома своих войск под Байсуном и в Бузгала-ханском ущельи поспешно направился, грабя по пути население, в Гиссарское бекство Восточной Бухары. Здесь он обосновался в кишлаке Дюшамбе, на месте которого раскинулась теперь цветущая столица солнечного Таджикистана—город Сталинабад. Для защиты подступов к своей новой резиденции Сеид-Алим-хан оставил в районе Дербента отряд из тысячи отборных, хорошо вооруженных джигитов. Красные части в это время вынуждены были прекратить преследование эмирских шаек. Итти в глубинные районы Восточной Бухары без подтягивания своих тылов и огнеприпасов было крайне неблагоразумно

Пользуясь этой временной передышкой, Сеид-Алим-хан незамедлительно предпринял меры к восстановлению растрепанного при поспешном бегстве эмирского двора. По приезде в Дюшамбе, эмир собрал отовсюду нукеров и начал раздавать им должности. Эмирский секретарь не успевал писать приказы о назначениях. Прежде всего эмир назначил удайчи-церемониймейстера, его помощника-шагоула. Он назначил своего приближенного эсаула и мунши-старшего писаря для писания .приказов Он назначил дафтардора-чиновника, проверяющего приходо-расходные книги эмирского двора, привратника и даже... хранителя шербата. Эмир принял меры к пополнению своего гарема, потерпевшего значительный ущерб во время бегства от красных частей, укрепляя таким образом внешние и внутренние основы султаната.

С особым усердием работал при эмирском дворе казначей, рисовавший необеспеченные ничем бумажные деньги. Для того чтобы укрепить свою финансовую базу, эмир по инициативе своего министра финансов Имам-Куля произвел ограбление 80-ти хозяйств бухарских евреев, проживавших в Дюшамбе. У них были отняты не только все деньги, но даже женские украшения. Эти ценности попали в опустевшую эмирскую казну, а сами владельцы их в гиссарский зиндон. Дома ограбленных были пожалованы получившим всевозможные придворные чины гиссарским баям и муллам.

Вскоре же по прибытии в Дюшамбе эмир начал чинить суд и расправу в соответствии с правилами «благородного» шариата. На дюшамбинской площади была произведена публичная казнь 26 бедняков, сочувственно отзывавшихся о Красной Армии и Советской власти и разоблачавших перед дехканами контрреволюционную националистическую агитацию баев и мулл.

Эмир предполагал прочно обосноваться в Дюшамбе, расчитывая на то, что красные части в этот отдаленный район Восточной Бухары не пойдут. Таджикистан, выносивший до сих пор гнет эмирских чиновников, мог ознакомиться теперь непосредственно с прелестями управления самого эмира «наместника Мухаммеда».

Чудовищные насилия, грабеж и вымогательства, характерные для эмирской деспотии, стали обычными всюду, где появлялся эмир и его чиновники. Это было причиной острого недовольства населения. Особое возмущение дехкан вызвали мероприятия эмира, направленные к пополнению его гарема. Эмирские чиновники хватали для этой цели даже 8-ми летних девочек. Смерть одной из них, замученной Сеид-Алим-ханом в своем гареме, вызвала волнение в Гиссаре.

Сеид-Алим-хан принимал меры не только к тому, чтобы восстановить свой двор во всем его «блеске и величии», но и к укреплению вооруженных сил. Это он осуществлял при помощи уголовных басмаческих банд, которые всегда существовали в Бухаре. Банды басмачей комплектовались главным образом из разного рода преступных элементов. Их ряды пополняли деклассированные слои городского населения и частично дехканство, разорявшееся в результате поборов эмира и поли-

тики царской колонизации. Эмир вошел в сношение с главарями басмаческих банд, разбойничавших в Восточной Бухаре, и они явились к нему, требуя «газо», иначе говоря—священной войны всем неверным и, прежде всего, большевикам.

В числе явившихся на поклон к эмиру басмаческих главарей был сын кокташского чиновника Ибрагим-Галлю, что значит в переводе на русский язык—Ибрагим вор, ибо он был известным во всей округе конокрадом. Впоследствии этот бандит стал известен под именем Ибрагим-бека. Его и другого крупного уголовного бандита—Ходжа-Алимбая растроганный эмир, простив им все их прошлые грехи, щедро наградив деньгами, снабдил оружием и назначил «военноначальниками войск ислама». В то же время на подкрепление действовавших в районе Дербента эмирских шаек было отправлено около четырехсот ферганских басмачей, в свое время бежавших от ударов Красной Армии в Восточную Бухару.

Так эмир, пользуясь услугами басмачей, беков и духовников, которые путем обмана, угроз и насилия загоняли население в создаваемые ими банды, собирал силы для нового похода против большевиков.

Известие о выходе частей Красной Армии из Байсуна и приближении их к Дюшамбе прервало интенсивную «государственную» деятельность эмира. Он начал собирать наиболее преданных ему людей для поездки в Куляб якобы для поклонения какому то святому, а в действительности для того, чтобы эмигрировать в Афганистан. И когда организованный по просьбе Бухарского ЦИКа из частей Туркестанского фронта гиссарский экспедиционный отряд, получивший задание выбить эмира из последнего его убежища появился в окрестностях Дюшамбе, Сеид-Алим-хан переходил афганскую границу.

После бегства эмира в Афганистан националистические элементы, реакционные духовники продолжают начатую эмиром работу по организации басмаческих банд в целях борьбы против Советской власти, добиваясь пополнения их рядов за счет трудового дехканства. Для этого ими были пущены в ход все средства. Они пользовались тем, что многие из проводившихся в то время Советской властью мероприятий (запрещение

частной торговли, продразверстка, отделение церкви от государства) находились в полном противоречии с местными традициями и мусульманским мировоззрением, извращали смысл этих мероприятий, убеждали дехкан в том, что Советская власть усиливает существовавшее при царизме угнетение местного населения.

Забитое баями и муллами население, плохо разбиравшееся в доходивших до них с огромным запозданием вестях о мероприятиях Советской власти, шло на эту провокационную агитацию классового врага и некоторая часть дехканства была таким образом вовлечена в ряды враждебного его интересам контрреволюционного басмачества.

В значительной мере осложняли положение в Восточной Бухаре ошибки, допускавшиеся правительством Бухарской Народной Советской республики и прямое предательство, входивших в его состав джадидских элементов. Если после февральской революции джадиды ползли к власти на коленях, пресмыкаясь перед эмиром, если в 1918 г. они расчитывали захватить власть при помощи своего рода дворцового переворота («колесовские события»), то теперь, когда революция совершилась, когда массы при помощи Красной Армии свергли власть эмира, они шли к достижению своей цели — созданию буржуазно-национального государства — путем измены и предательства, пролезая в ряды коммунистической партии и занимая ответственные посты в правительстве. Клянясь в верности делу пролетарской революции, они в действительности помогали басмачам, входили в сношения с басмаческими главарями и с теми, кто стоял за спиной басмачей — с английскими империалистами, которые поддерживали басмаческое движение средствами, оружием, инструкторами. И чем дальше развивалась революция, тем больше обнаруживалось контрреволюционное, националистическое лицо джадидов.

Джадиды всячески тормозили снабжение частей Красной Армии, направляемых для ликвидации эмирских банд в Восточной Бухаре. Так например, военный комиссар Бухарской Народной республики Арифи посылал винтовки действующим против басмачей частям Красной Армии без патронов. Он задерживал посылку

отрядов для борьбы с басмачеством и им чуть не с боем приходилось занимать вагоны, добиваясь отправки на фронт.

Для организации Советской власти на местах джадиды, пробравшиеся в состав правительства, посылали своих ставленников или людей, компрометировавших своим поведением новую власть. Сбор налогов, установленных для покрытия расходов республики, они поручали старым эмирским чиновникам, которые большую часть собираемых средств присваивали в свою пользу или отдавали басмачам. Джадиды сквозь пальцы смотрели на подрывную работу духовников, которые, выполняя поручение эмира, отданное им при бегстве, организовывали возникавшие в это время в различных частях города пожары, захватывавшие иногда целые кварталы.

Джадиды входят в прямые сношения с заклятыми врагами Советской власти. Когда в Бухару приезжает известный пантюркист Заки Валидов, он останавливается на квартире военного комиссара Арифи. И хотя всем джадидам было известно, что Валидов приезжал для организации борьбы против Советской власти, никто из них даже не попытался разоблачить его.

Несмотря на то, что с 1920 г. младобухарцы-джадиды как партия перестали существовать, в действительности они сохраняют в подполье свой центр, который организует убийства советских и партийных работников, руководит действиями басмаческих банд. Вошедшие же в коммунистическую партию младобухарцы свою буржуазно-националистическую идеологию пытаются выдать за коммунистическую.

Своей подлой изменнической работой джадиды стремились свести на нет успехи Красной Армии в борьбе с эмирскими бандами, бекским ополчением и басмачами. В конце февраля и начале марта 1921 г. Красная Армия занимает Файзабад и Оби-Гарм, продвигаясь по направлению к Каратегину, где орудовали бежавшие из Ферганы банды Курширмата и Аскер-Палвана, а также шайка каратегинского бека Фузайли Максума. Красная Армия наносит этим бандам сокрушительный удар, после которого Курширмат бежит в Алайскую долину, а Фузайли-Максум в Дарваз. 18 главарей басмаческих шаек были захвачены в плен — в их числе Ишан Сулдур,

Бадрэтдин-бай, Дарваз-Ишан и другие. В Каратегине создается ревком, население горячо приветствует несущую ему освобождение Красную Армию, захваченные в плен басмаческие главари отправлены в Дюшамбе. А здесь, приехавший по каким то делам председатель ЦИК Бухарской Народной республики Усман Ходжаев, отпускает их тотчас же на свободу и они начинают снова формировать басмаческие банды.

С помощью освобожденных Усманом Ходжаевым басмаческих главарей в апреле 1921 г. дарвазский бек создает большую басмаческую банду и занимает ряд кишлаков Каратегина. Басмачи закрывают Дарвазское ущелье и препятствуют продвижению Красной Армии к Дарвазу. Они мобилизуют Каратегин для вооруженного сопротивления красным частям, взрывают все мосты.

Героическая Красная Армия вновь дает решительный отпор сконцентрировавшимся в Каратегине бандам. Потеряв надежду создать в Каратегине плацдарм для борьбы с Советской властью, басмачи пытаются использовать районы Куляба и Больджуана. Красная Армия уничтожает и здесь басмаческие банды. Басмачам угрожает полный разгром. Но басмачей опять выручают джадиды, ведущие изменническую работу в составе правительства Бухарской Народной республики. Они вступают в переговоры с главарями басмаческих банд, договариваются о прекращении военных действий. Военные действия прекращены, начинается мирная работа, но во главе ряда ревкомов (Больджуан, Дарваз, Каратегин и др.) таинственным образом оказываются... разгромленные Красной Армией басмаческие главари.

Особенно яркое выражение подлая изменническая работа джадидов нашла в помощи с их стороны авантюре Энвера-паши, который весной 1921 г. приехал в Бухару.

Энвер-паша — ярый панисламист, бывший руководитель малодотурецкой партии, во время империалистической войны был главнокомандующим турецкой армией. Бежав из Турции после победы национально-освободительного движения, Энвер-паша пробирается в Бухару. Джадиды устраивают ему здесь пышный прием и усиленно рекламирует его, как зятя турецкого сул-

тана, считающегося у мусульманского населения земным наместником пророка Магомета. Энвер по прибытии в Бухару ведет двурушническую политику. Он произносит речь, заявляя, что он стоит за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за социалистический путь развития Бухары. На следующий же день он вступает с джадидами, входящими в состав бухарского правительства, в переговоры по поводу совместных действий для борьбы с Советской властью. Несколько раз встречается с Энвером для установления контакта сам председатель Совета Народных Комиссаров Бухарской республики Файзулла Ходжаев — ныне полностью разоблаченный и уничтоженный враг народа. Энвер-паша все время находится на квартире назира по иностранным делам Якуб-Заде.

Договорившись с младобухарцами, Энвер-паша отправляется после нескольких дней пребывания в Бухаре на «охоту» и исчезает. Появляется он уже в Восточной Бухаре, куда прибывает вместе с предоставленным в его распоряжение джадидами отрядом бухарской народной милиции для организации басмаческих банд и борьбы с Советской властью. В Гиссарской долине он попадает к Ибрагим-беку, который разоружает сопровождающий Энвер-пашу отряд народной милиции, а Энвера арестует. Недоразумение выясняется однако очень быстро, благодаря вмешательству эмира и англичан. Энвер-паша оказывается скоро на свободе, облеченный высоким званием «главнокомандующего войсками ислама, зятя халифа и наместника его высочества эмира бухарского».

Изменническая политика джадидов обеспечила этому авантюристу, ставленнику английского империализма, возможность развернуть свою контрреволюционную работу в Восточной Бухаре. Он быстро устанавливает связи с находящимися в Дюшамбе председателем ЦИК Бухарской Народной республики Усманом Ходжаевым, начальником бухарской милиции Али-Ризо, а также командиром национального отряда Данияром и договаривается с ними о разоружении дюшамбинского гарнизона. В ночь на 23 декабря 1921 г. Усман Ходжаев, Али-Ризо и Данияр приглашают к себе в гости начальника гарнизона, военкома и генерального консула и,

пред'явив фальшивый приказ Бухарского ЦИКа о сдаче дюшамбинским гарнизоном оружия Данияру, требуют, приставив к виску своих гостей наганы, срочного выполнения приказа. Распоряжение о сдаче оружия начальником гарнизона было отдано и одним из батальонов частично выполнено. Остальные части гарнизона узнали о происшедшем и оказали изменникам решительное сопротивление, открыв ружейный и пулеметный огонь по наступающему отряду Данияра. Отбив атаки отряда Данияра, состоявшего из 800 сабель, части Красной Армии заставили его отступить.

К этому времени Энвер-паша, Ибрагим-бек, Салимпаша и другие басмаческие главари успели сколотить сильные басмаческие банды, численность которых достигала 10.000 сабель. Басмачи осаждают Дюшамбе. Героическая борьба длится до февраля, когда части дюшамбинского гарнизона, получив распоряжение об оставлении города, начинают героический отход в сторону Байсуна, осаждаемые со всех сторон басмаческими бандами. 20 февраля отряд, отбив все атаки басмачей, прибыл в Байсун.

Энвер-паша строил широкие планы об'единения под своим руководством всего басмаческого движения в Средней Азии. Чтобы организационно возглавить это движение, он создает из бывших пленных турецких офицеров реакционный союз борьбы за восстановление в пределах Бухары и всего Туркестана халифата. Комитеты этого союза были учреждены в различных пунктах Средней Азии. Энвер-паша пытается создать командные кадры басмачества из местных людей и отдает приказ всем главарям басмаческих банд отправить наиболее развитых басмачей в Афганистан в офицерскую школу. Один из советников Курширмата, захваченный красными частями в плен, показал, что он лично сопровождал 17 басмачей в офицерскую школу в Афганистане.

Несмотря на подлую изменническую работу младобухарцев, которые участвовали в организации басмачества не только Восточной, но и Западной Бухары, несмотря на непрерывно оказываемую Энвер-паше помощь со стороны английских империалистов дни этого авантюриста были сочтены. Измена джадидов частично

оказывается раскрытой, избирается новое бухарское правительство. Летом 1922 г. Красная Армия переходит в наступление, громит банды Энвер-паши, занимает Дюшамбе. В одном из сражений, происходивших в Больджуанском районе, был убит и сам Энвер-паша.

Разгром Энвер-паши значительно ослабил ряды басмачей. Но при наступлении против Энвера красными частями район Локая был обойден и Ибрагим-бек, воспользовавшись этим, повел провокационную работу среди локайского населения, распуская ложные слухи о том, что Красная Армия уничтожает целые кишлаки. Население Локая, не знавшее действительного положения вещей, в известной своей части поддалось этой провокационной агитации, которую Ибрагим-бек дополнял самой жесточайшей расправой с теми, кто отказывался вступать в организуемые им басмаческие банды.

Сочетая военные меры с большой политической работой среди населения, части Красной Армии наносят в 1923—1924 г. г. басмаческому движению один удар за другим. Обманутые Ибрагим-беком дехкане районов Локая, Кайнара, Бишбулака, Нарына возвращаются в свои кишлаки, навсегда отказываясь от участия в басмаческом движении. В одном из боев, происходивших в Локайском районе, наши части наносят Ибрагим-беку такой энергичный удар, в результате которого он теряет свою личную охрану — старых басмачей, грабивших вместе с ним караваны на больших дорогах Восточной Бухары еще до революции. Ибрагим-бек оказывается битым, как был бит Энвер-паша и другие басмаческие главари. Спасаясь от Красной Армии, этот неудачный «военоначальник войск ислама» бежит в Афганистан. После этого эмир и английские империалисты, поддерживавшие Ибрагим-бека, держат ставку на Салима-пашу. Перезимовав в Дарвазе, Салим-паша пытается ранней весной повторить энверовскую авантюру. Однако и этот бандит вскоре оказывается выброшенным за кордон.

В результате широкой раз'яснительной работы и мероприятий по восстановлению разрушенного народного хозяйства, басмачество в Восточной Бухаре идет на убыль. Правительство РСФСР оказывает огромную материальную помощь Туркестану, отпуская на хозяйст-

венные мероприятия большие средства, миллионы пудов хлеба, забрасывая в Туркестан большое количество промтоваров. Трудовое дехканство, подвергавшееся бесчисленным насилиям и грабежам басмачей, забиравших в кишлаках все, что им попадалось под руку, начиная от одежды и продовольствия и кончая коврами, одеялами, кошмами и всякого рода утварью, решительно поднимается на борьбу с басмачеством, помогает частям Красной Армии громить басмаческие банды и создает отряды добровольной милиции.

Подавляющее большинство трудящихся Таджикистана увидело в басмачестве своего самого злейшего врага, поняло, что за басмачами стоит эмир, стоят баи и феодалы, стоят русские белогвардейцы и английские империалисты, стремящиеся вновь поставить дехкан под ярмо невыносимого колониального рабства и национального гнета. Широкие массы таджикской и узбекской бедноты могучим потоком вливаются в ряды краснопалочников. «Дехкане под руководством партии и правительства, — пишет об этом периоде С. Айни в «Дохунде», — и с помощью красноармейцев захватили горы, долины и равнины. Разгневанные массы от Шолипоя до Файзабада, от Гиссара до Рамита и от Денау до Ширабада искали басмачей».

Басмаческие шайки одна за другой ликвидируются. Таджикистан приступает к мирному, созидательному труду под руководством славной коммунистической партии большевиков, при всесторонней поддержке великого русского народа.

ТАДЖИКИСТАН — СОЮЗНАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

В тезисах по национальному вопросу к десятому с'езду партии тов. Сталин писал:

«...Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, — повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от «своей» и «чужой» буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма лишь об'единившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.» (Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 91-92).

По поводу вхождения в Союз Советских Социалистических Республик Бухарской Народной Советской республики, тов. Сталин на десятом Всероссийском С'езде Советов в докладе об об'единении Советских республик сказал:

«Две независимые советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого об'единения, только потому и исключительно потому, что эти республики не являются

еще социалистическими. Я не сомневаюсь, товарищи, надеюсь, и вы не сомневаетесь, что эти республики, по мере внутреннего развития их в сторону социализма, также войдут в состав союзного государства, ныне образуемого». (Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 122).

Союз Советских Социалистических Республик был образован в 1922 г. Неуклонное осуществление ленинско-сталинской национальной политики привело к тому, что в очень короткий исторический отрезок времени этот этап внутреннего развития к социализму для Бухарской Народной советской республики был завершен, несмотря на то, что она была одной из наиболее отсталых в культурном и экономическом отношении частей Средней Азии, несмотря на то, что в ней сохранились значительные пережитки патриархально-родовых и племенных отношений. Всесторонняя помощь республикам Средней Азии со стороны великого русского народа как в деле хозяйственного, так и культурного строительства обеспечила для них все возможности для преодоления той отсталости, которую они унаследовали от прошлого. В 1924 г. Бухарская Народная республика была преобразована в социалистическую республику.

Разгром вооруженных сил контрреволюции и укрепление Советской власти в Туркестане, дальнейший рост хозяйства и культуры, развитие и рост национального самосознания народов Средней Азии создали к этому моменту необходимые предпосылки для решающего преобразования в национально-государственном устройстве народов Туркестана, Бухары и Хорезма — для их национально-государственного размежевания.

Третья сессия Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета, подитоживая в 1924 г. результаты советского строительства в Средней Азии, указала, что политика Советской власти обеспечила народам Средней Азии достижение необходимой национальной сплоченности, создала необходимые условия для образования независимых национальных республик.

«Достигшие национального освобождения, — записано в решениях сессии Турцика, — прочно укрепившие основы рабоче-дехканской власти, неуклонно развивая и расширяя культурное и экономическое строительство,

народы Туркестана достигли условий, обеспечивающих им полную возможность перестроить Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в государства национально-однородные.»

Смысл воссоединения разорванных на куски таджикских, узбекских и туркменских земель, создания на них независимых, национально-однородных социалистических республик был вскрыт с исчерпывающей отчетливостью и ясностью тов. Сталиным, когда он говорил о национальном размежевании узбекского и туркменского народов:

«В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплоататорских махинаций «власть имущих». Теперь настал момент, когда появилась возможность **воссоединить** эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, **воссоединение** разорванных частей этих стран в независимые государства.» (Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 201-202).

Национальное размежевание Средней Азии явилось мероприятием огромного исторического значения и осуществление его было возможно только в условиях Советской власти. Для того, чтобы представить себе исключительную важность этого мероприятия достаточно учесть, что административное устройство Туркестана, проведенное после завоевания Средней Азии царизмом, являлось примером средневекового, крепостническо-казенного административного деления. В состав туркестанского генерал-губернаторства насильно были втиснуты, вопреки их воле и желанию, киргизский, узбекский, таджикский, туркменский и каракалпакский народы. В нем были об'единены оторванные от остальных казахских областей казахи. В состав бухарского ханства входили: узбеки, таджики, туркмены. Равным образом целый ряд национальностей насильственно был об'единен в составе хивинского ханства.

В бухарском ханстве русский царизм сознательно консервировал его внутреннюю феодально-крепостниче-

скую средневековую организацию. Царское правительство с готовностью предоставляло свои военные силы для утверждения власти бухарского хана в таджикских областях. Царские войска завоевали для бухарского эмира горные таджикские области, которые до этого времени связаны были с бухарским ханством лишь формально.

Русский царизм оставил в неприкосновенности ту национальную разобщенность народов Средней Азии, тот крайне пестрый национальный состав бухарского, кокандского и хивинского ханств, который он застал в момент своего вторжения в Среднюю Азию. Больше того, он углубил и усилил разобщенность народов Туркестана, углубил и усилил национально-племенную рознь своей колониальной политикой.

Советская власть, проводя национальное размежевание Средней Азии, положила тем самым начало национально-государственному устройству народов Туркестана, Бухары и Хорезма.

Одним из первых этапов практического осуществления мероприятий по национальному размежеванию было решение 8-го с'езда компартии Туркестана в мае 1924 г. о целесообразности этого мероприятия и его своевременности, а также решения ЦК компартии Бухары и Хорезма и Средне-Азиатского Бюро ЦК ВКП(б). Эти решения были одобрены Центральным Комитетом ВКП(б).

В сентябре 1924 г. постановление о национально-государственном размежевании Средней Азии приняла чрезвычайная сессия Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета, внеся на рассмотрение и утверждение это решение во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

20 сентября 1924 г. пятый Курултай Советов Бухарской республики принял следующее постановление по вопросам национального размежевания:

«Выражая верховную волю народов Бухары, об'являем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма—Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской автономной области. Выражаем также братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики. Ку-

рултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркменистана в СССР.»

14 октября 1924 г. очередная сессия ВЦИК единогласно утвердила постановление Туркестанского Исполнительного Комитета, внеся в него однако существенное изменение: Таджикская автономная область сессией была преобразована в Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую республику. Окончательное решение по вопросу о национальном размежевании было вынесено II-ой Сессией Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик в октябре 1924 года.

Вот текст этого исторического постановления сессии, который мы приводим полностью:

«Заслушав доклад: 1) о постановлении 5-го Всебухарского Курултая и Центрального Исполнительного Комитета Народной Хорезмской республики, выразивших волю населения Бухары и Хорезма об об'единении их с единоплеменниками, населяющими Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику и о вхождении вновь образуемых государств на договорных началах в качестве союзных республик в Союз ССР и 2) о постановлении Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о разделении Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики по принципу самоопределения национальностей на республики: Узбекскую Советскую Социалистическую республику с автономной Таджикской Советской Социалистической республикой, Туркменскую Советскую Социалистическую республику, Кара-Киргизскую Автономную область, входящую в состав РСФСР и о присоединении киргизской части Туркестана к Киргизской Автономной Советской Социалистической республике, входящей в состав РСФСР,—2-я Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР подтверждает, что свободное волеиз'явление трудового народа является высшим законом и поручает Президиуму ЦИК Союза ССР осуществить оформление вновь образую-

щихся республик в Средней Азии, согласно решениям с'ездов Советов этих республик».

Так был завершен для таджикского народа тот великий исторический переход от рабского зависимого существования, от тяжелого национального гнета и колониальной эксплоатации, которым он подвергался тогда, когда входил в состав бухарского ханства—к свободному, независимому, социалистическому, национально-однородному государству. В Таджикской Автономной ССР воссоединились таджики Восточной Бухары, части Ферганской и Самаркандской областей и население Памира.

Помимо образования Таджикской Автономной Советской Социалистической республики, в результате национального размежевания Средней Азии были образованы следующие социалистические республики и автономные области:

Из узбеков Туркестана, Бухары и Хорезма организовалась Узбекская Советская Социалистическая республика.

Из туркмен Хорезма, Бухары и Туркестана—Туркменская Советская Социалистическая республика;

Из киргиз Семиреченской и горных районов Ферганской областей—Киргизская Автономная область;

Тем самым было ликвидировано тяжелое наследие царизма в виде старого государственного и административного деления и таджикский народ вместе со всеми народами Средней Азии получил свою собственную национальную советскую государственность.

В 1925 г. 17 марта тов. Сталин в своей приветственной телеграмме на имя Оргбюро Таджикской Автономной республики писал:

«Привет Таджикистану—новой советской республике трудящихся у ворот Индостана! Горячо желаю всем труженикам Таджикистана успехов в деле превращения своей республики в образцовую республику восточных стран.

Таджики имеют богатую историю; их большие организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны.

Работники Таджикистана! Поднимайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплачивайте вокруг се-

бя лучших сынов родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко держащими в своих руках знамя освобождения.»

Так поставил вопрос о превращении Таджикистана в образцовую республику восточных стран тов. Сталин. Ответственное международное значение борьбы за успех социалистического строительства в Средней Азии с еще большей полнотой было развито тов. Сталиным в выступлении на IV национальном совещании. Тов. Сталин сказал:

«Туркестан представляет наиболее важную республику, с точки зрения революционизирования Востока, не только потому, что Туркестан представляет комбинацию наиболее связанных с Востоком национальностей, но и потому, что по своему географическому положению он врезывается в самое сердце того Востока, который наиболее эксплоатируется и который накопил у себя наибольшее количество пороха для борьбы с империализмом. Задача состоит в том, чтобы превратить Туркестан в образцовую республику, в передовой пост революционизирования Востока. Именно поэтому необходимо все свое внимание сосредоточить на Туркестане в смысле поднятия культурного уровня масс, национализации госаппарата и проч. Эту задачу мы должны провести во что-бы то ни стало, не щадя сил, не останавливаясь перед жертвами.»

Сталинская директива о превращении республик Средней Азии в форпосты социализма на рубеже колониального Востока воодушевила большевиков Таджикистана и весь таджикский народ на самоотверженную борьбу за новые и новые успехи социалистического строительства.

Следуя мудрым указаниям великого учителя и друга трудящихся, руководителя и организатора побед социализма, большевики Таджикистана сумели в короткий срок добиться исключительных успехов в деле выполнения тех задач, которые были сформулированы в приведенном выше приветствии тов. Сталина работникам Таджикистана.

Эти успехи наполняли бешеной злобой ушедших после разгрома басмаческих шаек в глубокое подполье

буржуазных националистов. Лицемеря, двурушничая, пробираясь на ответственные посты, вступая при помощи махровых контрреволюционеров из право-троцкистского блока в связь с иностранными разведками, они готовят новую измену, завязывая новые и укрепляя старые связи с выброшенными за кордон главарями басмаческих шаек.

В феврале 1929 г. Сеид-Алим-хан, получив очередную подачку от империалистов на организацию новых диверсионных нападений на советские владения, собирает в Кабуле совещание находящихся на афганской территории басмаческих главарей. На этом совещании принимается решение возобновить вооруженную борьбу с Советской властью. Бандиты, установившие связи с предателями и изменниками народа, окопавшимися в правительственных организациях Узбекистана и Таджикистана, приурачивают свое вторжение в Таджикистан к моменту третьего Чрезвычайного С'езда Советов Таджикистана, который должен был разрешить вопрос о преобразовании Таджикской Автономной Советской Социалистической республики в Союзную республику с тем, чтобы сорвать это мероприятие и продиктовать свою волю с'езду.

13 апреля бывший каратегинский бек Фузайли Максум со своей бандой, в составе которой находилось восемь мулл-советников, присланных бывшим эмиром бухарским, переправился через Пяндж, занял Калай-Хумб, пополнив здесь свою банду за счет сохранившихся байских элементов, бывших басмачей и реакционных духовников. Разгромив кишлак, банда Фузайли Максума 19 апреля занимает Товиль-Дору, переправляется в долину реки Сурхоб и прибывает в кишлак Калай-Ляби-Об. Здесь банда Фузайли возрастает до 400-500 человек. Басмачи готовятся к нападению на Гарм. Они занимают Хаит, где учиняют зверскую расправу как с «вероотступницами» с тремя таджичками, снявшими паранджу. В это время до Дюшамбе доходят первые сведения о басмаческом налете. В Гармский район посылаются части Красной Армии, которые громят бандитов. После их ударов банда Фузайли Максума рассыпается впрах. Лишь 12 басмачей вместе с Фузайли Максудом переходят снова Пяндж и спасаются в Афганистане.

Так еще раз были сокрушены могучим ударом Красной Армии изменнические планы подлых врагов народа.

Согласно решения Всетаджикского Чрезвычайного С'езда Советов, 16 октября 1929 г., Таджикская Автономная Советская Социалистическая республика была преобразована в Союзную Советскую Социалистическую республику. Этот исторический акт знаменовал для Таджикистана новый этап в деле укрепления и развития национально-советской государственности, являясь результатом решающих побед, достигнутых Таджикистаном в деле укрепления Советской власти, в деле хозяйственного строительства, в деле роста национальной по форме социалистической по содержанию культуры.

В 1931 г. враги народа делают еще одну попытку превратить Таджикистан в колонию британского империализма и вотчину эмира бухарского. В конце марта 1931 г. басмаческая банда, насчитывающая 1500-2000 вооруженных джигитов во главе с Ибрагим-беком, переходит советские рубежи с целью поднять массовое восстание дехканства против Советской власти. Банда прорывается в районы, являвшиеся когда-то главной опорой восточно-бухарского басмачества, в надежде на быстрое пополнение своих рядов. Но Ибрагим-бек, его покровители за рубежом и буржуазно-националистические изменники в Таджикистане должны были разочароваться в своих надеждах. К Ибрагим-беку присоединились только реакционные духовники и жалкие остатки недобитых байских элементов.

Басмачи попали не в дружественную, а в совершенно чуждую им среду. Советская власть стала родной и близкой для дехканства. На басмачей обрушились не только силы Красной Армии. Бок-о-бок с ней встали на защиту своих завоеваний трудящиеся Таджикистана и в короткий срок бандиты были разгромлены. Тысячные отряды красных палочников, беззаветно преданных делу партии и Советской власти, самым активным образом помогали Красной Армии бить басмаческие банды.

Разгром басмачей был полный. Они были уничтожены вместе с главарями. Отрядом краснопалочников под руководством народного героя Таджикистана Мукума Султанова был захвачен сам Ибрагим-бек.

Разгром новой басмаческой диверсии означал, что

Ибрагим-бек и его хозяева не учли того обстоятельства, что в Таджикистане уже ликвидированы эксплоататорские классы, что Советская власть стала для дехканина его родной властью. Ибрагим-бек и его хозяева не учли того, что басмачам уже не на что расчитывать в Таджикистане, ибо ликвидация эксплоататорских классов и успехи социалистической стройки подрезали социальные корни басмаческого движения.

ОТ КОЛОНИАЛЬНОГО УГНЕТЕНИЯ К СОЦИАЛИЗМУ.

На 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 г. Ленин указал, что с помощью победившего пролетариата передовых стран отсталые страны могут прийти к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Ленин говорил:

«Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.» (Ленин, т. XXV, стр. 354).

Под руководством тов. СТАЛИНА, который развил дальше это ленинское учение, советский Таджикистан, вместе со всеми другими республиками Востока, приобщившись к социалистическому строительству и опираясь в своем развитии на поддержку промышленного пролетариата Советского Союза, от докапиталистических форм

хозяйства перешел к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

Прошло двадцать лет со времени советской революции в Бухаре. В 1939 г. Таджикистан праздновал десятилетие со дня образования Таджикской ССР. Как неузнаваемо изменился облик страны, в прошлом являвшейся вотчиной бухарского эмира и колонией царского самодержавия! Из страны отсталой в культурном и хозяйственном отношении Таджикистан превратился в страну передовую — с развитой промышленностью, с растущими кадрами национального пролетариата. Переход основных масс дехканства на путь колхозов, оснащение сельского хозяйства страны самой передовой машинной техникой обеспечили уничтожение последних корней капитализма и победу социализма в сельском хозяйстве, создали предпосылки для мощного развития сельского хозяйства, для превращения Таджикистана в житницу египетского хлопка.

В Таджикистане, как и во всей нашей великой стране, полностью уничтожены эксплоататорские классы и причины, порождающие эксплоатацию человека человеком.

В Советском Союзе растет и крепнет сталинская дружба народов. Широкие массы трудящихся Таджикистана хорошо понимают огромное значение этого мощного фактора, обеспечивающего всестороннее развитие и укрепление республики. На приеме таджикских колхозников-ударников руководителями партии и правительства в Кремле в 1935 г. тов. Сталин говорил:

«А дружба между народами СССР—большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует.»

Культурный и хозяйственный рост Таджикистана, создание мощной социалистической промышленности, цветущего социалистического сельского хозяйства особенно быстрыми темпами двинулись вперед за годы славных сталинских пятилеток. XV с'езд ВКП(б) в резолюции о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства указал:

«Пятилетний план должен уделить особое внима-

г. Сталинабад. Ул. имени Лахути.

ние вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза.»

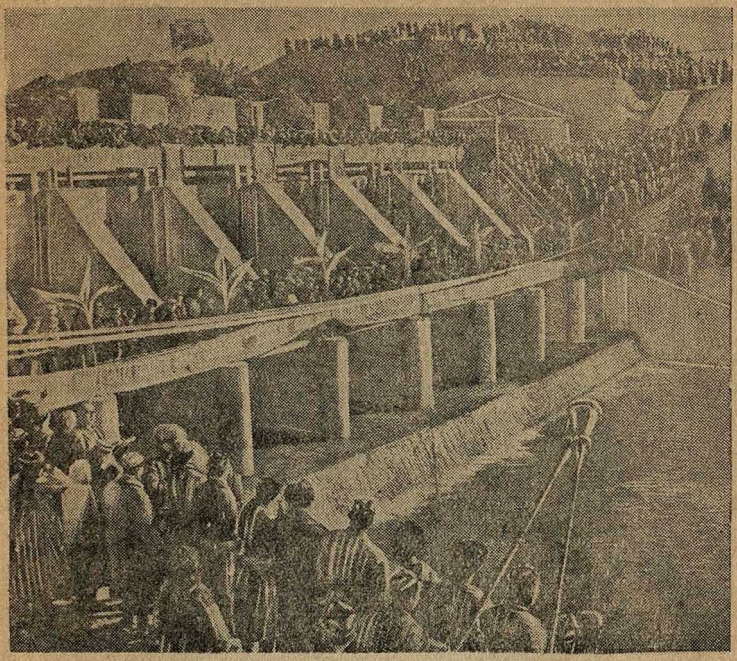
Осуществление этой директивы XV-го с'езда партии дало такие замечательные результаты, которые трудящиеся Таджикистана могут продемонстрировать перед лицом трудящихся всего мира с чувством законной гордости.

Сельское хозяйство в эмирском Таджикистане было исключительно отсталым, дехканин пользовался тогда при обработке земли таким допотопным орудием производства, как омач. Сейчас в сельском хозяйстве Таджикистана победили колхозы, в которых об'единено 97 проц. всех дехканских хозяйств и которым принадлежит (вместе с совхозами) 99,7 проц. всей посевной площади. В результате большой работы, в частности. в результате грандиозных оросительных работ на Вахше, где свыше 40 тысяч гектар ранее пустынных земель получили воду, посевная площадь только за последние 10 лет увеличилась с 545.300 гектаров до 800.000 гектаров. Огромную роль в деле дальнейшего роста сельского хозяйства Таджикистана сыграет Большой Ферганский канал им. Сталина, сооруженный по инициативе и силами самого колхозного дехканства.

На цветущих полях Таджикистана допотопный омач сменился трактором. Тракторный парк Таджикистана насчитывает 3362 трактора. В сельском хозяйстве Таджикистана свыше 1200 автомашин, 100 комбайнов, 170 сложных молотилок.

Мы видели, что развитие хлопководства в Таджикистане в период царской колонизации, явилось причиной резкого усиления зависимости дехканства от баев, ростовщиков и скупщиков хлопка. Совершенно иначе обстоит дело теперь и это особенно хорошо знают таджикские колхозники, которым тов. Сталин в 1935 году сказал:

«Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет. Это

31 декабря 1939 г. в обстановке всенародного ликования состоялся торжественный пуск грандиозного ирригационного сооружения Большого Ферганского канала имени Сталина.

На снимке: У головного сооружения в день пуска канала.

видно из всего того, что у нас здесь происходит. Колхозы у вас растут, желание работать имеется, машины дадим, удобрение получите, помощь всякая, какая только необходима — тов. Молотов, председатель Совнаркома, уже заявил вам об этом, — будет оказана. Стало быть, дело с хлопком у вас пойдет и зажиточная жизнь развертывается.»

Хлопковые площади в Таджикистане из года в год растут, хлопок стал основой счастливой, культурной и зажиточной жизни колхозников. В 1928 г. поливная площадь под хлопком достигала всего лишь 50.000 гектаров. В 1939 г. она увеличилась до 106.000 гектаров.

Растет количество собираемого ежегодно хлопка. Если в 1929 г. было заготовлено хлопка 36.165 тонн, то в 1938 г. заготовки хлопка превысили 183.000 тонн.

Таджикистан занимает первое место в Советском Союзе по урожайности и количеству собираемого египетского хлопка. Несколько лет тому назад сбор в 30-40 центнеров хлопка с гектара представлял из себя исключительное явление. Теперь эта урожайность достигнута многими колхозами. Больше того, в Таджикистане растет и ширится замечательное движение стоцентнеровиков, собирающих на своих полях рекордные урожаи хлопка. И нет ничего удивительного в том, что из года в год в Таджикистане растет число колхозов-миллионеров, что стоимость колхозного трудодня нередко оценивается в 25-30 рублей, а доход колхозной семьи иногда превышает 40.000 рублей. Вот цифры, характеризующие рост денежных доходов колхозников Таджикистана: 1934 год — 52347 тыс. руб.; 1935 г. — 136910 тыс. руб.; 1936 г. — 291094 тыс. руб.; 1937 г.— 370347 тыс. руб.; 1938 г. — 393114 тыс. руб.

В дореволюционном Таджикистане не было почти никакой промышленности. Если промышленность дореволюционного Таджикистана выпускала продукции ежегодно на 1 миллион рублей, то промышленность Таджикистана социалистического дает в 1938 г. продукции в 195 раз больше. За десятилетие, истекшее с момента образования Таджикской ССР, в хлопковую промышленность было вложено 35 миллионов рублей. За тот же промежуток времени в Таджикистане создана мощная пищевая промышленность, насчитывающая до 50

предприятий. В советском Таджикистане построены такие крупные предприятия, как ленинабадский шелкокомбинат, шелкомотальная фабрика в Сталинабаде, консервный завод, мясокомбинат, механизированный хлебозавод и др. К началу третьей пятилетки Таджикистан располагал 57 коммунальными электростанциями мощностью в 12.183 квт. В 1938 г. они вырабатывали уже 24.645 тыс. квт. электроэнергии. В Таджикистане работает такая мощная электростанция, как Варзобская, питающая электроэнергией Сталинабад.

Таджикская ССР располагает нефтепромыслами Нефтеабад, которые только за один 1938 год дали 27.000 тонн нефти. Шахты Шурабугля в этом же году выработали 13.000 тонн угля, а в настоящее время в Шурабе работает оборудованная по последнему слову техники шахта с годовой производственной мощностью 500.000 тонн угля. Заканчивается строительство гюльбистинского цементного завода, строится сталинабадский текстильный комбинат стоимостью в 58 миллионов рублей.

Так выполняется большевиками Таджикистана указание тов. Сталина о создании в национальных республиках очагов промышленности и кадров национального пролетариата. Если в 1914 году на территории теперешнего Таджикистана насчитывалось всего двести рабочих, то уже в 1938 году число их превышало 23.000 человек.

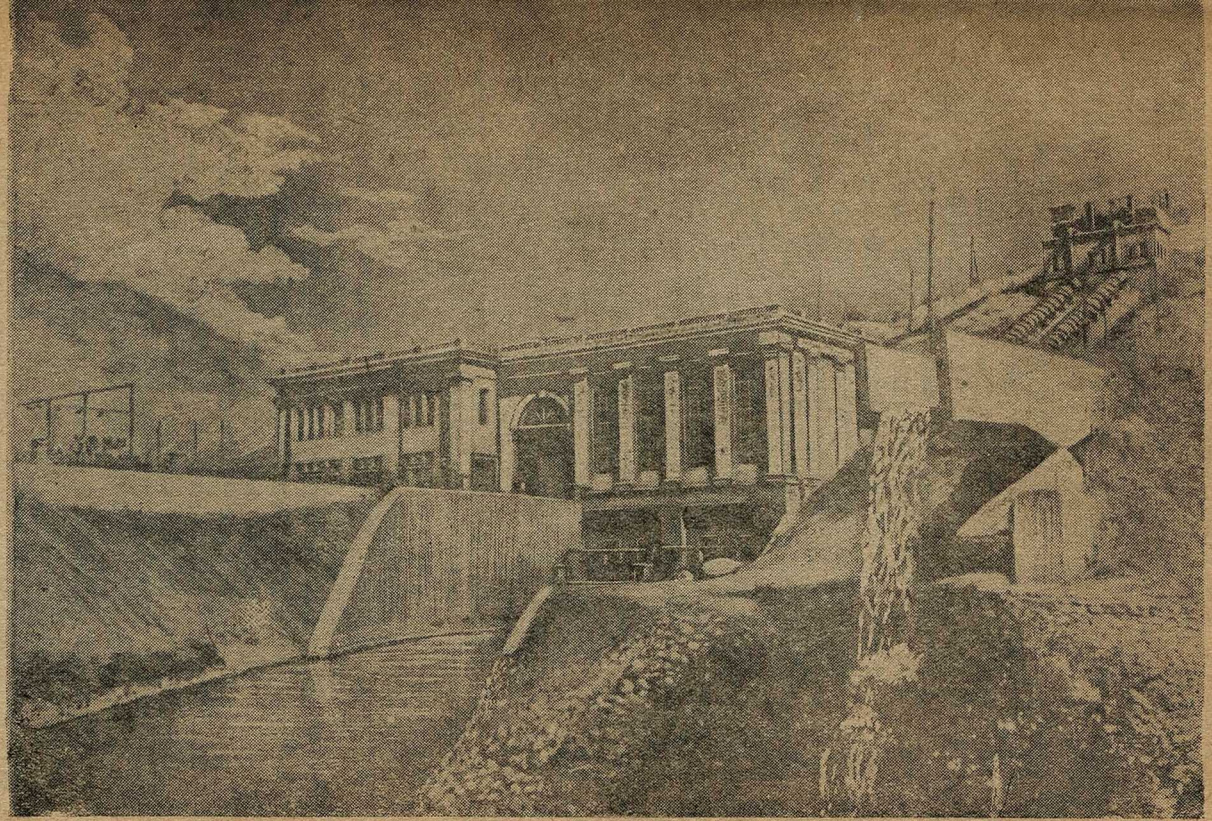
Особенно разительны успехи Таджикистана в борьбе за развитие национальной по форме социалистической по содержанию культуры. В эмирской Бухаре грамотных было полпроцента, причем те, которые знали грамоту, располагали для чтения единственной книгой — кораном, — рассадником религиозного мракобесия и самых первобытных представлений о мире и человеке. Дореволюционный Таджикистан не знал театра, не имел никакого представления о кино. Сейчас Таджикистан становится страной всеобщей грамотности. В 1939 г. в Таджикской ССР выходило 8 республиканских газет с разовым тиражом 120.000 экз., 54 районных газеты с тиражом более 100.000 экз. и 5 журналов с тиражом в 20.000 экз. Ликвидируя последствия вредительства врагов народа троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов, стремившихся скрыть от трудящихся учение

Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и тормозивших перевод классиков марксизма-ленинизма на таджикский язык, таджикское государственное издательство выпустило свыше 28 произведений Ленина и Сталина. Широкие массы трудящихся Таджикистана могут читать на родном языке такие выдающиеся произведения, как «Вопросы ленинизма» И. Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», являющийся энциклопедией марксизма-ленинизма. Там, где когда-то процветала религиозная идеология, растет сейчас Союз воинствующих безбожников Таджикистана, насчитывающий свыше 1200 ячеек и об'единяющий 27.000 членов.

В 1938 г. в Таджикской республике насчитывалось 4142 начальных школы с количеством учащихся в 178.000 человек. Таджикистан располагает в настоящее время 314 неполными средними школами, 48 средними школами. Растет число вузов и техникумов, а также других учебных заведений, готовящих кадры для всех отраслей народного хозяйства. В 1938 г. в пяти вузах Таджикистана обучалось около 2.000 студентов, а всего в школах и учебных заведениях училось 257.240 человек.

При царизме в Таджикистане не велось никакого дорожного строительства. Тогда в запустение приходили даже те тропы, которыми веками и тысячелетиями пользовалось население. В целом ряде районов Таджикистана бездорожье было таково, что люди не имели представления о самом обыкновенном колесе, ибо колесный транспорт не мог быть пущен в ход на головокружительных горных тропах.

Сейчас широко развернуто дорожное строительство. Уже к 1938 г. протяженность троп для вьючного транспорта сократилась до 2500 километров вместо 10.000 километров в дореволюционный период. Тропами население теперь пользуется исключительно в высокогорных районах. По всему Таджикистану раскинулись теперь благоустроенные колесные и автогужевые дороги с усовершенствованным покрытием. В 1938 г. эксплоатировалось 7150 километров дорог, из них грунтовых профилированных — 3570 километров, гравийных и шоссейных — 541 километр.

Варзобская гидроэлектростанция.

Только при Советской власти оказалось возможным создание таких грандиозных дорожных путей, как Памирский тракт Ош—Хорог, как открывающийся в текущем году Ново-Памирский тракт протяжением в 567 километров, соединяющий прямой связью по кратчайшему пути Сталинабад с районами горной Гармской области и Памиром. Ново-Памирский тракт ликвидирует бездорожье в таких трудно доступных районах как Калай-Хумбский, Товиль-Доринский, Ванчский, Рушанский и др. За годы сталинских пятилеток в Таджикистане построена крупнейшая автогужевая дорога, соединяющая Сталинабад с севером Таджикистана.

Только при Советской власти Таджикистан прорезала железная дорога, соединившая Сталинабад с центром Советского Союза. Только при Советской власти оказалось возможным широкое развитие в Таджикистане воздушного сообщения. Авиационные линии, по числу которых Таджикистан занимает одно из первых мест в Советском Союзе, соединяют столицу Таджикистана Сталинабад с самыми отдаленными районами республики.

1940—1944 годы будут годами нового под'ема дорожного строительства в Таджикистане. Для этого созданы все предпосылки специальным постановлением СНК Союза и ЦК ВКП(б) о дорожном строительстве в Таджикистане.

Таджикистан был до революции страной исключительно низкого жизненного уровня. Подавляющее большинство населения здесь влачило полуголодное нищенское существование. Сейчас мы наблюдаем совершенно другую картину. На основе индустриализации страны, на основе неуклонного под'ема сельского хозяйства из года в год повышается уровень материального благосостояния трудящихся города и деревни. Мы уже отметили рост доходов колхозов и колхозников, рассказали о той зажиточной и культурной жизни, которой живет теперь колхозное дехканство. Растет и заработная плата трудящихся в городе. За период 1934—1936 г.г. зарплата трудящихся выросла на 44,4 проц., в том числе по промышленности на 45,7 проц.

Рост материального благосостояния рабочих и служащих продолжается и в следующие годы. Так напри-

мер, средняя заработная плата рабочих и служащих, занятых в республиканской промышленности в 1938 г. по сравнению с 1937 г. выросла на 10,3 проц., в том числе рабочих и служащих, работающих в отраслях легкой промышленности на 16,1 проц. и в местной промышленности—на 18,2 проц.

Бурное развитие промышленности, сельского хозяйства и связанное с ним беспрерывное повышение материального уровня трудящихся города и деревни способствовало быстрому увеличению населения в республике. Если на 17 декабря 1926 г. числилось населения в республике 1.032.216 чел., то на 17 января 1939 года население увеличилось до 1.485.091 чел.

Наряду с развитием промышленности растет и население городов Таджикистана. Городское население в республике на 17 декабря 1926 г. определялось цифрой в 106003 чел. На 17 января 1939 г. насчитывается уже 251882 чел. Сталинабад—столица Таджикской республики—17 декабря 1926 г. насчитывал населения всего 5607 чел., тогда как на 17 января 1939 г. он имел 82510 человек,—рост на 1472,1 проц.!

В эмирском Таджикистане — в этой стране нищеты, бесправия и жесточайшего угнетения трудящихся, — самым бесправным существом была женщина.

Как изменилось теперь ее положение!

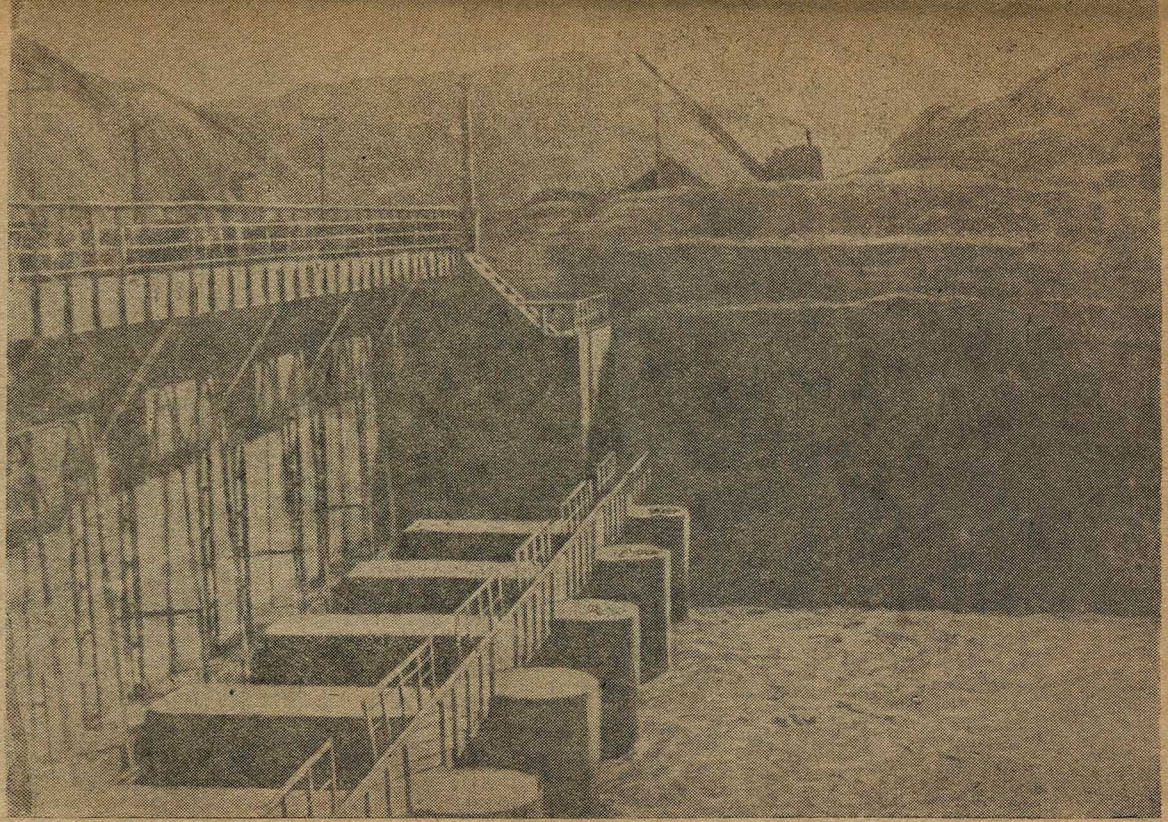
Это уже не домашняя рабыня, скованная религиозными предрассудками, всю свою жизнь проводящая за стенами дувала. В колхозах и на производстве женщины Таджикистана наравне с мужчинами показывают образцы социалистического отношения к труду. Нет такого участка в социалистической стройке, на котором женщина не работала бы рука-об-руку с мужчиной. В Таджикистане — стране, где раньше на сто человек не приходилось и одного грамотного, теперь насчитывается свыше двух тысяч одних только кишлачных учительниц. В Таджикистане, где раньше ничего не строилось кроме глинобитых кибиток, работают теперь женщины-архитекторы, женщины-инженеры. Из таджикских женщин выросли десятки настоящих мастеров искусства, замечательных певиц, артистов, работников кино.

Женщина таджичка наравне с мужчиной управляет государством, являясь полной хозяйкой своей страны.

Шесть женщин Таджикистана избраны депутатами Верховного Совета Союза ССР, 86 — депутатами Верховного Совета Таджикской ССР, 3294 — депутатами местных Советов трудящихся. Среди них — в прошлом работница шелкокомбината — Мастура Авезова, статья которой о паранджe помещенная в «Правде» вызвала широкое народное движение за окончательное преодоление этого вреднейшего пережитка прошлого. Среди них — активный боец за колхозное строительство — председатель Кулябского райисполкома Гавгар Шарипова, летчица Смагина. Среди них — образец мужества и бдительности в деле охраны границ — шестидесятилетняя колхозница Халимова Ойсфати.

О том, какую выдающуюся роль играет женщина на всех участках социалистической стройки, говорит тот факт, что 27 женщин в Таджикистане награждены за выдающиеся заслуги в области сельского хозяйства медалями и орденами Советского Союза, причем 6 из них награждены орденом Ленина. 202 женщины в прошлом году добились права участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Сотни женщин работают в Таджикистане председателями и заместителями председателей, а также бригадирами колхозов.

Вспомните приведенный нами в начале книги рассказ тов. Файзи Каюмовой о том, как тяжело жилось в эмирском Таджикистане детям, о том как в ее семье шесть девочек располагали всего лишь одним халатом. Нет ни одной страны в мире, где мать и ребенок пользовались бы большими заботами со стороны государства, чем у нас в Советском Союзе! Посмотрите какими бурными темпами растут учреждения по охране материнства и младенчества. В 1933 г. в Таджикистане было всего лишь 92 койки в домах матери и ребенка. В 1938 г. число их возрастает до 250. Количество коек в детских постоянных яслях с 30 в 1928 г. возрастает до 4500 в 1938 г. Количество родильных коек в лечебных заведениях республики с 63 в 1928 г. возросло до 435 в 1938 г. В лечебных заведениях насчитывается около 300 детских больничных коек. В эмирском Таджикистане не было никаких больниц и лечили, точнее выражаясь. калечили трудящихся, всякого рода знахари и табибы.

Головное сооружение Вахшстроя.

Трогательную заботу Советской власти о матери и ребенке лучше всего характеризует количество пособий, выданных по многодетности. Со времени издания декрета от 27 июня 1936 г. по 1939 г. 2559 матерей получили 6.588 тысяч рублей. Нет ничего удивительного в том, что пользуясь невиданными ни в какой другой стране мира заботами о них партии и правительства, в Таджикистане растет бодрое и здоровое молодое поколение строителей социализма, беззаветно преданных своей социалистической родине.

Таджикистан до революции был страной феодальных отношений, страной жесточайшего колониального рабства и национального угнетения, страной ярко выраженного бесправия трудящихся. В результате неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики Таджикистан стал страной, в которой возобладала социалистическая система хозяйства, страной, где трудящиеся пользуются самыми широкими правами, гарантированными им самой демократической в мире Сталинской Конституцией. Право на труд, право на отдых, на образование, на материальное обеспечение старости, — нет ни одной страны на всем земном шаре, где трудящиеся пользовались бы этими правами, где этими правами наравне с мужчиной пользовалась бы женщина.

Убедительнейшее выражение исключительных успехов, которых добился Таджикистан в деле строительства социализма, мы находим в приветствии СНК СССР и ЦК ВКП(б) рабочим, колхозникам и интеллигенции Таджикистана по поводу десятилетия с момента образования Таджикской ССР.

«Таджикский народ под руководством партии большевиков из бывшей вотчины бухарского эмира и отсталой средне-азиатской колонии царской России создал социалистическую республику. Трудящиеся Советского Таджикистана за короткий срок добились больших успехов во всех областях социалистического строительства.

За годы советской власти в Таджикистане создан целый ряд новых промышленных предприятий, строится большой текстильный комбинат.

Сельское хозяйство Таджикистана превратилось в

крупное колхозное механизированное хозяйство, проведено крупнейшее ирригационное строительство (Вахшское строительство и др.). Колхозники Таджикистана добились высоких урожаев хлопка, больше чем втрое увеличили общий сбор хлопка за последние пять лет.

Все выше поднимается культурный уровень трудящихся Таджикистана, неуклонно растет их материальное благосостояние.

Трудящиеся Таджикистана добились этих успехов, разгромив под руководством большевистской партии, врагов народа — буржуазных националистов, которые стремились превратить Таджикскую республику в колонию империализма, надеть на свободный таджикский народ ярмо капиталистического и национального гнета.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) выражают твердую уверенность, что таджикский народ в братском содружестве со всеми народами Советского Союза будет и впредь неустанно работать над дальнейшим укреплением Таджикской Советской Социалистической Республики и всего Советского Союза.»

Таджикский народ, побуждаемый горячим стремлением осуществить это указание партии и правительства, тесно сплотив свои ряды под непобедимым знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, борется за новые и новые успехи социализма.

Несокрушимой стеной он стоит и будет стоять на восточных рубежах своего социалистического отечества, готовый дать сокрушительный отпор всем, кто вздумает посягнуть на мирный труд народов СССР.

Полный непреклонной решимости отдать все свои силы на борьбу за дело партии Ленина—Сталина, уверенно идет он рука-об-руку со всеми народами СССР к полной победе коммунизма в нашей стране и во всем мире.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 5
Под гнетом эмира 8
Бухара—колония царской России 22
Советская революция в Бухаре и падение бухарского эмирата 35
Образование Бухарской Народной Советской Республики и борьба с басмачеством 57
Таджикистан—Союзная Советская Социалистическая Республика 71
От колониального угнетения—к социализму 81

ГАФУРОВ Б. ПРОХОРОВ Н.

ПАДЕНИЕ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

К 20-летию Советской революции в Бухаре (1920-1940)

Госиздат Таджикистана
Сталинабад 1940

Ответственный редактор: *Чернявский В.*
Техредактор: *Девятов С.*
Ответ. корректор: *Пшеничников.*

Сдано в производство 24|VII-40 Подписано к печати. 9/X-1940 г. КЛ 3508
Тираж 5000 Формат бумаги 84x108 Печ. л. 6,0 Уч. авт. 6. Заказ № 2308
Цена 1 р. 20 к. переплет 65 к.

Сталинабад, П К. П-Треста НКМП Таджикской ССР.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
35.	7 сверху.	неизвергнуто	низвергнуто
49.	22 „	свецело	всецело

Заказ № 2308